

VII. ОБРАЗОВАНИЕ ИМЕННЫХ ОСНОВ

§ 96. Общие замечания

Как это очевидно, например, из рассмотрения глагольных основ в современном тунгусском языке, принцип словосложения не чужд алтайским языкам, однако представляется, что в процессе развития от полной независимости обоих компонентов сложносоставного образования до низведения второго компонента к положению окончания существует некая, так сказать, промежуточная ступень¹⁶⁸. Это равно относится и к именам, и к глаголам. Что касается имен, то корейский язык обязан своими современными типами слов в большой степени китайским влиянием; это подтверждается в частности и тем, что он широко применяет именные словосочетания, например: кор. *sä* „птица“, *šamšä* „воробей“ (*šam* „обыкновенный, вульгарный“), кор. *oi* „огурец“, *šamoi* „дыня“, кор. *pak* „тыква“, *hobak* „тыква“ (? *ho* < кит. *hu* „варвар, иноземец“), тюркск. *qabaq*, калм. *ɣawaɣ* „тыква (полая, в качестве фляги для воды)*“, русск. *кабак* „кабак“. Корейский язык, таким образом, значительно уступает в этом отношении тюркскому, монгольскому и тунгусскому языкам. В этих языках сложносоставные по своему происхождению слова с течением времени стали восприниматься как единое замкнутое целое, т. е. как представляющие собой одно слово. Однако исконная картина этого такова: тюркск. *qolai* „удобный“¹⁶⁹ < *qol* „рука“ + *ai* „хороший“ (тунг. *aja*, *aji* „хороший“, монг. *ajatu*, *ajitu* „удобный“), тюркск. *qolawuz* „руководитель (= руководство)“ < *qol* „рука“ + *awuz* „взятие“ (монг. *abu-* „взять“, *abu-ni* „взятие“). Поскольку здесь, таким образом, процесс развития языка в создании языкового фонда из собственного достояния целиком опирается на принцип суффиксирования, постольку и история развития суффиксов восходит к праистории языка; поэтому же для говорящей языковой среды наиболее важно овладеть всем суффиксальным богатством языка. Вообще суффиксы настолько архаичны и настолько многочисленны, что говорить об их происхождении не представляется возможным. Если же в дальнейшем мы все-таки перечисляем некоторые из наиболее

* SKE, стр. 183, связывает *qa* в тюркск. *qabaq* с ср.-тюркск. *qa* „сосуд для жидкостей“ (Brokelmann, стр. 139).—Прим. П. Аалто.

употребительных суффиксов, служащих для образования именных основ, то делаем это лишь с целью показать, какие типы словообразования являются в различных языках продуктивными и насколько общие для них и тождественные им типы распространены в настоящее время в других языках.

А. СУФФИКСЫ

§ 97. Монг. -ai, тюркск. -a

Среди монгольских слов, имеющих в исходе -ai, встречаются явно вторичные образования, т. е. такие, где -ai либо является суффиксом, либо некогда им являлся.

Примеры: монг. arai „мало, чуть“, arap (то же), тюркск. az „мало“ (тат. āz), тунг. arap „чуть“; монг. türei „голенище“, тюркск. tiz „колени“, казах. tizä „колени, голенище“, гольд. tureksa „голенище“, чув. t'šərguśśi „колени“; монг. qogulai, калм. xōlā „горло“, кор. kōgā „долина“, paŋkoŋai „вход в подпол (погреб)“; монг. qogul „еда“, калм. xōl „горло, еда“; монг. tuigai „лошадиное копыто“, калм. tūgā, халх. t'ūr, Ибн-Муканна tūr „роговой покров (копыта)“, ср. уйг. tujaŋ, койб. tuig-aq, якут. tuŋ-aŋ „копыто“; монг. kömei „шкура на шее“, монг. kōm „редкий мех“, тюркск. kōp „дубленая шкура, кожа“, ср.-тюркск. kōp-āk „кожаная бадья“, балк. kōpček „брюки“; монг. oŋai (др.-монг. hoŋai) „макушка, вершина“, калм. oŋā, тунг. hogo, oŋo, орош. xo, xojo „вершина“, гольд. roŋon, маньч. foŋon (то же) < *roŋai; монг. sirui, siruga, sirugai „земля, пыль“, калм. šorā „песок, пыль“, тунг. sergi „песок“, sirgi, sirukta (?silutan) (то же), тюркск. saz, венг. sár „степь“, ср. монг. sirugalžin, sirgulžin „муравей“ (нечто вроде: „песочный жук“, как в тюркск. qumur-sqa „муравей“ < qum „песок“); монг. taulai, калм. tūlā „заяц“, дах. thaol, др.-тюркск. tabuŋan, вост.-тюркск. tauŋan, тур. davŋan, dafsan „заяц“, таким образом, монг. taul-ai ~ пратюркск. tabul'-ŋana; монг. toŋai, вост.-монг. thoŋō „кабаненок“, казах. toŋai „молодой кабан“, чаг. toŋ „теленка, молодняк“, казах. toŋlan „жеребенок“, тур. toŋun „верблюжонок“, монг. toŋun „двухгодовалый верблюд“, монг. dūlei, калм. dūlā „глухой, тугой на ухо“ < dūl, ср. dūji-, калм. dī-, якут. tōi, dōi- „быть глухим“, калм. dī-ŋü, якут. tōjūŋgü, dōjūŋgü „оглушенный“, калм. dīŋr- „становиться оглушенным“, dīŋəŋ „подверженный головокружению“; монг. žulai „фонтан“, тюркск. jui, саг. čul „ручей, источник“, казах. žul (то же); монг. dotai, калм. dotā „внутреннее (нутро), задумчивый, милый“, тюркск. jota „бедро“, якут. soto (то же), якут. soturuo „штаны“ < *do, маньч. гольд. do „внутреннее (нижнее платье)“, откуда монг. dotur „подкладка (куртки)“, doča „внутренность“ > бурят. -sō (см. выше § 23), а также тюркск. joŋa, oŋra > oŋta „внутри“ (ср.-тюркск.); тюркск., тур. jälä „грива“ наряду с тюркск. jäl (в чув. šilxe „грива“), монг. del, маньч. delun,

тунг. *delsun*; чар. *töšä* „грудь“ наряду с тюркск. *töš* „грудь“; чар. *qoša* „двойной, парный“ наряду с *qoš* „пара“; чар. *toqa* „сытый“ наряду с *toq* „сытость“; тюркск. *ignä* (< *jig-nä* ~ *jig-n-ä*) „игла“, казак. *ignä*, *inä*, *innä* „швейная игла“, якут. *injä*, *innä* (то же), ср. монг. *žegün*, калм. *zün* „швейная игла“, таким образом, тюркск. *jigün-ä > *ignä* наряду с монг. *žegün*.

Сюда же относится, далее, весьма употребительное отглагольное прилагательное на *-та*, которое с помощью этого *-а* (монг. **-ai* ~ **-a*) образуется от имени на *-т*: ср.-тюркск. *köšünmä* *о́сақ* „переносный очаг“ (< *köšünm* „транспорт“), казах. *körpä* (< *körmä*) „хвастливый“ (< *kör-* „вслухать“), казах. *орра* „прожорливый“ (< *орта*, тюркск. *ор-* „пожирать, проглатывать“), калм. *егәпә тәлә* < монг. *egeteme tala* „пустыня, где легко заблудиться“ и т. д.

Далее здесь следует назвать те монгольские формы прилагательных, которые образуются с помощью этого суффикса от различных падежных форм существительных, например от род. п. на *-п* ~ *-up* ~ *juv*: *Темүжинү* „Темюджинов (принадлежащий Темюджину)“, *Темүжинү'ай* (монгНТ.) „Темюджина (собственный)“ и т. д.; в дальнейшем, в современных диалектах эти формы имеют в исходе *-пә* ~ *пi* (< *-pai*), например: калм. *хәпә* „хана“ (собственно, нечто вроде „ханово“), *пәпә* „наш, наци(инский)“, *гәпә* „дома, домашний“ (см. Котвич, § 158). Подобные производные образования могут в дальнейшем склоняться, как имена, напр. калм. *хәпәдә* „ханову (ханскому)“ (см. Котвич, § 162—). Таким же образом аффиктивнообразующему суффиксу *-tu* (=суффиксу так называемого вторго комитатива или социатива) был придан в качестве второобразного окончания суффикс *-ai*, например: *шогі-tu* „с конем, конный“, *гег-tü* „с домом“ > „желатый“ и т. д., и таким путем была получена современная форма окончания *-tai* ~ *-tei*, которая постепенно вытеснила более древнее *-tu*, например: *хан көвүтә* „хан со своим сыном“ и т. д. (см. Котвич, § 159 и § 162). Прилагательные на *-tai* образуют в монгольском языке свое множественное число на *-tan* (Mostaert, *Ordosica*, стр. 40; также см. выше § 26).

Некий, вероятно вторичный, *-а* ~ *-ai* встречается, далее, как в отглагольных, так и в отыменных производных в монгольском и тунгусском языках: монг. отглагольный *-pai* ~ *-п*, *-шai* ~ *-п*, тунг. отглагольный *-па* ~ *-п*, *-га* ~ *-г*, отыменный *-ла* ~ *-л*.

Поскольку суффикс *-ai* существовал как особое средство основообразования, он принял в тунгусском и тюркском форму *-а* ~ *-ä*, а позднее, на почве тюркских языков, в именах часто и вообще утрачивался. Возможно, однако, что этот *-ai*, существование которого особенно хорошо подтверждается в монгольском языке, первоначально являлся лишь вариантом более часто встречающегося суффикса *-gai* ~ *-kai*, тюркск. *-га* ~ *-qa*, тунг. *-ga* ~ *-ka*.

Помимо отглагольных имен на исконное -gai ~ -qai, существует еще масса отыменных имен с тем же окончанием. Однако в отдельных случаях бывает трудно различить, что из них является исторически первичным: глагол или имя. Образования на -gai имеют обыкновенно уменьшительное значение.

Примеры: монг. taraqai „лысый“¹⁷⁰, тунг. taraka, тюркск. taz, венг. taqka, отсюда же и монг. tarbałzi „белоголовый орел“, тюркск. taz quš; монг. tajiqai, халх. t'äyā „заяц“ (allak t'äyā синоним allak dāga), собственно: „жеребенок“, чув. t'ixā „жеребенек“, тюркск. tai, якут. tui „жеребенок“; монг. žēgekci, бурят. zūxoi „сливки“ (отсюда якут. si'gāi) < žō, сюда же и тюркск. jū-gāi „кверху“, jō-lā- „подширать“, тур. jūzā „высоко“ и вост.-монг. jōlō „опорный брус“; тунг. žukē „лед“, джурч. (Грубе) čihēi (то же), ср. монг. žūgen, калм. zōp „молодой“; маньч. шике „вода“, тунг. ши (то же), монг. шōgen „река“, кор. ши „вода“; карагас. ehe „старый (о всах)“, якут. ārgā (то же) от eг в монг. ege (дат.-местн. п.) „ранний“; монг. erkei, уйг. āgāq, алт. ārkāk, маньч. fegye, гольд. reibe „слышной палец руки“ (ср. уйг. āgāq с *barıq „палец“ > чув. rıqā, тур. rıqıq, rıqıq); монг. abaqai „принцесса“ (> алт. abaqai „лама“), тунг. маньч. abka „небо, бог“ > abaka к aba „отец, высокопоставленный (титул), достопочтенный“, кор. abaci „отец“, тунг. abaci „ленивый“; монг. činıqai „волчонок“, činıa „волк“; монг. sibagıqai „птичка“, sibagıp „птица“; монг. degūkei „младший брат (братишка)“, калм. dıkkā, бурят. dıxci „младшая сестра (сестренка)“, монг. degū, калм. dı „младший брат“, монг. kōr degū, уйг., ср.-тюркск. kōrdegū, тур. gıveç „женых, зять“; бурят. xōyei „ребенок“ (монг. кей-kei), бурят., халх. xū „ребенок, сын“, монг. кей, ср. тур. gebe „беременность“, маньч. kefei, монг. kebei, калм. kōi, тюркск. > венг. kebei „грудь“; монг. kōgerkei, калм. kōikā „бедняга, достойный сожаления“, наряду с монг. kōger-ken, калм. kōr-kāp „гордый, красивый“, тюркск., уйг. kōbāz „гордый“; монг. solıqai „левша, неловкий, налево“ (> тюркск., чув.) к тюркск. sol „левосторонний, левая сторона“, монг. solı- „менять, замснять“, монг. solıbi- (< solı-bı-) „расколоться, иметь иное направление“; тюркск. aqca „спина“ < aqı-qai, монг. aqı „спина, тыльная сторона, север“, тунг. aqkap „спина“; чув. t'šelxe (< čelxa < tulqa) „язык, язык (речь)“, тюркск. tul- „язык“, уйг. tul-ташу „толмач (переводчик)“; чув. šilxe „грива“, казах. želkā „загрюбок“, тат. jilkā, балк. zelke „загылок“, тар. jalkā, тур. jala „грива“ < тюркск. jal, якут. siäl „грива“, монг. čel, гольд. čelıp, тунг. čelıp „грива“; казах. betkā „горный склон“ < bet „лик, лицо“, монг. beıū, metū, „словно, похожий“; гольд. matu (то же); монг. čilgai, čilguı „состоящий из одного куска“ < монг. čılı, тел. čılıp (то же); вост.-тюркск., чаг. mıngā „мозг“ < тюркск. mıç, meıç, mājıp (монг., чак. meıçp — то же), якут. mājı, казах. me (то же), тюркск. jāngā, казах. želgā, якут. sangas,

sanga-s „жена старшего брата“ (> тунг. haças) < jep-gā, гольд. hēhē-ge < тунг. hēhē „тетка“; гольд. eıeke „мачеха“ < eıe „мать“; др.-тюркск., уйг. özgā „другой, для себя“ < öz „сам“, монг. ögū, öti „грудь, сердце“; чув. šäške < *žaiç-qa (ср. койб. čaj-aq „цветок“) нечто вроде: „маленькое, относящееся к лету“, тюркск. jaj „лето“, чув. šu (то же), бурят. pažir „лето“ (> даг.), кор. pat „полдень“ < исконн. *paž, paž-i-r; тунг. turıka „соль“, turıka-tuk „солонка“, тюркск. tuz < *tüz „соль“ (якут. tüz, чув. tavar), tuzıuq „солонка“, ср. айну dıru, rıru „соль, океан“; тунг. nejkē, hējkē „вошка“, кор. pi „вошь“; гольд. ašaka „медведь“ < aša „отец“; гольд. tatga „галюка“, южно-кор. tai, сев.-кор. tar (то же), сиб.-хант. tar — то же (< кит.); маньч. soqko „след“, тюркск. soç, тур. soç-га, sō-га „после, вслед“; тунг., гольд. bejje „дичь, дикое животное“ < bejıp „олень“ > кор. reıp — то же; маньч. erke „мужской, мужественный“, монг. erkei наряду с монг. erkeç, тюркск., алт. ārkāk „мужской, мужественный“ < монг. ere, тюркск. ār „мужчина, муж“, тюркск., монг. er-de-ıı „добродетель, деятельность“; казах. kirkō „хижина“, ср. тибет. gur „дом, палатка“, монг. ger „юрта“, афг. kog „дом“, хинд. ghat — то же (впрочем, в афг. -kaı является вполне обычным уменьшительным суффиксом, например, kog-kaı „хижинка“, ср. Bellw, стр. 108).

В особенности следует отметить здесь составной суффикс монг. -ju-gai, -ža-gai, тунг. -žuga, гольд. -žaka, например, в монг. gūp, gūpžeci „глубокий“, монг. (Иби Муканна) hažuga „корабль“, kor. paı, яп. he (в слове hesaki „нос корабля“); гольд. hēgēžeke „лягушата“, hēgē-kie „лягушка“; тунг. asi (мн. ч. asai) „женщина“, гольд. (Грубе) ašūha, ašoçan „барышня, молодая женщина“.

В монгольском языке фонетически закономерно будет в исходе -ai (калм.-ā ~ -ä), а в тюркских -a (т. е. -a). Точно так же -a (обозначаемое обычно долгим) является тем соответствием, которого следует ожидать в тунгусском языке. Там, где в тюркском и тунгусском имеется -gai, -qai, там можно с уверенностью предположить влияние монгольского, например: тюркск. solıqai „левша“; казах. bekai (наряду с betkai) „горный откос“; тунг. činıqai „волчонок“ (< бурят. činıqai ~ šinıqai), казах. tengai „ровный“ (ten „ровно“), tōškōi „плоскогорье“ (tōs, тюркск. tōš „грудь“), тел. toşqoi „мяска (из бересты)“, (toş, якут. tuos „береста“) и др. Там же, где мы, напротив, имеем в монгольском языке -ga, -qa, там может идти речь либо о каком-нибудь древнем слове с суффиксом -ga, -qa, либо же, наоборот, о заимствовании из тюркского или тунгусского.

В корейском языке отыменные образования такого характера не часты. Соответственным суффиксом, которого следовало бы ожидать в корейском языке, является -kaı и -ai; кроме него, за свидетельствован также и некий -ki, например: ekke (в письменной традиции es-kei) „плечо“ (< es „наискось“?); maragi „шапка“, монг. malagai, malaqai (то же), самод. şola „летняя шапка“, гольд. bale „противокомарная сетка“ (Грубе, стр. 109).

Этот суффикс, встречающийся в монгольском языке очень часто, является прежде всего показателем уменьшительности. В том же значении он выступает и в тунгусском. Но в монгольском языке бывают случаи, когда -қап обозначает ограничительно, „только“: монг. *piŋeken* „только один“, *qojaŋқап* „только два“, *gurbақап*, *gurbаnқап* „только три“ и т. п., *eŋeken* „только этот“, *tereken* „только тот“ *edüiken* „только столько вот, только не более этого“ *[kedüi „сколько, (мн. ч.)?“]*, *kedüiken* „некоторые (небольшое число) немного“ и т. п. (*ende* „здесь“), *endeken* „как раз здесь“ (калм. *oda* халх. *odō* „теперь“) *odaуап*, *odōуап* „как раз теперь, в этот самый момент“, может быть, также и монг. *aŋқап* „начало, сначала“, чем следует сопоставить тюркск. *aŋ ilki* „самый первый“. Именно в этом значении — ограничительности и одновременно уменьшительности — -қап следует считать скорее продуктивным аффиксом, чем собственно основообразующим суффиксом; вместе с тем он применяется также как риторический прием, например: халх. *edželджен törsen* „как властитель (властителем) рожденный“. Обычное же его значение — чисто уменьшительное; монг. *aqар* „короткий“, *aqарқап* „коротенький“; *sajin* „хороший“, *sajinқап* „хорошенький, красивенький“; *pojaп* „князь“, *pojaқап* „княжич“ и „княжна“ *keü* „сын, ребенок“, *keüken*¹⁷¹ „дочь“ (мн. ч. *keüket* „ребята“, *keüken keü* „девочки“); таким образом, женский род может быть выражен уменьшительной формой, так же, как например в вост. тюркск. *aŋaŋa* обозначает „супруга“.

В тунгусском языке как в северных, так и в южных диалектах имеются многочисленные примеры этого образования: гольд. *žō* „дом“, *žōкап* „домик“; *dege* „стол“, *degeken* „столик“; *peṃč* „тонкий“, *peṃdeken* „тоненький“; *bi* „я“, *bi-ken* „всего лишь я моя скромная особа“ (ср. монг., халх. *biḡa* „я один“); тунг. *purti* „нож“ (< чув. *pirtō* или сир. *porta* „топор, широкий нож“ < *barta) *purtakaп* „ножичек“; *amut* „озеро“, *amutkan* „маленькое озеро пруд“; *kaŋikan*, *kaatkan* „щенок“ (< *kaŋi* < *ka-aŋi*, кор. *kāaŋi*, уменьшительное от *kā* < *kaŋi* „собака“, ср. гилян. *kaп* „собака“, тюркск. *қапсуқ* „сука“, самод. *kaпак* „собака“, см. Кастрён, самод., стр. 113); *singereken* „мышь“ (> якут. *čingereken*), *singere* „крыса“ маньч. *siŋgeri* „мышь“ (ср. финно-угорск. *šijir* > венг. *égér*, сир. *šir*, финск. *hiiri* „мышь“); *biŋa* „река“, *biŋakaп* „ручей“, ороч. *biŋaka* (< *biŋa-ka*) — то же.

Исходя из приведенного выше значения ограничительности можно без затруднений подвергнуть анализу и тюркское отглагольное прилагательное на -ақап: оно образовалось от герундия на -а путем присоединения этого -қап (см. § 59), например: тюркск. *қас-* „бежать от чего-либо, избегать, спасаться бегством“, *қасақап*, *қасақап* „всегда убегающий, робкий“, но в адъективном употреблении *қас-қап* „беглый (беглец)“; *juŋla-* „плакать“, *juŋlajuŋa* „плаксивый, плакса, меланхоличный“, *juŋlamajjuŋa* „неплачущий“

К продуктивному тюркскому языковому достоянию суффикс -қап во всяком случае уже не принадлежит, а в корейском языке он до настоящего времени не засвидетельствован¹⁷².

§ 100. Монг. -g, -ga(-qa), монг., тунг. -ki и тюркск. -q

а) Монг. -ug, -ag, тюркск. -uq, -aq. Вероятно многие первоначально различные образования скрестились здесь друг с другом, ибо установить определенные их типы, правомочные для всей алтайской семьи языков, не представляется возможным. Наиболее близки тюркские и монгольские языки, но вопрос о том, опирается ли (и если опирается, то в какой мере) сходство их в лексических примерах на обоюдные заимствования или на более древнюю общность, остается неразрешенным. Примеры: монг. -ug, -ag (< -uq, -aq), тюркск. -uq, -aq; монг., тюркск. *saŋuq* (*čaŋuq*) „пучок, бахрома“, якут. *susuах*, *susuох* (< тюркск. *sač|čač* „волосы“); монг. *qutug* „блаженство, величество“¹⁷³ < тюркск. *qut* „величие, счастье“, тунг. *kutu* „счастье“; тюркск. *joŋaq* „сказка“, койб. *piŋaq*, *šipaq* „сказание“, монг. *domag* „сказка“, тув. (урянх. по Катанову) *tomuq* (то же), тат. *joŋaq*, чув. *juŋaх* > мар. *joŋaq* „сказка“ < тюркск. *joŋ*, монг. *dom* „заклинание, заговор“, чув. *im-šam* „средство заклинания и лечения“; монг. *topug*, *toш* „следы, следы диких животных“, казах. *tomō* (< *tomау) „едва различимые следы“; монг. *topug*, *topag* „конская сбруя“ (ср. монгНТ. *topog* „захват трофеев“) < тюркск. *top* „одежда“; монг. *uŋig* „конец нити“ < тюркск. *uŋ*, чув. *vəŋ* „острие, конец“; тюркск. *köŋül* „сердце, дух“, *köŋläk* „рубаха“, калм. *kiləg* — то же (< *köjileg* < *köŋäl-eg*), казах. *köjñäk* (то же); монг. *tug* „длина“, *tug* „хребтовая часть шкуры“, ср. монг. *tug-ši* „целое, длина“, тюркск. *turq* в конструкции (*uzun*) *turqaru* „в течение, с течением времени“, монг. *urtu turši bar*, калм. *ut^u turšar* (то же), чув. *tärä* < *täräx* „длина“ (Ашмарин, стр. 111); монг. *ugurag*, калм. *ügüg* „яичный желток, молозиво“ < тюркск. *oŋuz* (то же), *oŋuzaq* > якут. *uosах* в *syŋyt-uosаха* „яичный желток“; монг. *qoskinag* „толстая кишка“ < *qoskin*, койб. *qosqun*, тур. *qosqun* „хвост, подхвостник“; монг. *bögüreg* „холм“, *bögureŋkei* „круглый“ < *bögüre*¹⁷⁴ „почка“, тюркск. *bögür*, тат. *böjör* „печень, бедро“, казах. *böjgök*, тур. *büjräk*, *büvräk* „почка“; монг. *mojinag*, бурят. *moinag* „жировая складка под шеей у рогатого скота“ < тюркск. *mojun*, тур. *bojun* „шея“, чув. *šəj* (то же), тунг., ороч. *moje* „шея“; кор. *thar*, *tharak* „волосы“, *ther*, *therək* „волос“; *sai* (> *sä*) „новый“, *saiak*, *säak*, *sääk* „молодая женщина, девушка“; *so*, *sok* „грудь, середина“; кор. *phat* (*phatčh-*), *phot* (*photčh-*) „горошина“ < *bitč*, монг. *bitčag*, тюркск. *bitčaq*, чув. *päržä* (то же), вопреки *bitča, тюркск. *bitč*, тат. *berəč*, чув. *päržäs*, венг. *bors* „перчинка“.

В тюркских языках с помощью -aq образуются уменьшительные формы, и в этом значении суффикс -aq во многих диалектах является еще продуктивным, например: тюркск. *oŋul* „сын“ >

оулақ, тат. б̄лақ, казах. ұлақ „ковленок“; тюркск. оулап „сын“ > тел. ұлапақ „мальчонка“; алт., тел. қулип, қулипақ „жеребенок“; тел., алт. тамур, тамурақ „жила, тетива, сила“, чаг., казах. тапур, чув. ітмар, монг. таміг „жила, вена, сосуд“; тюркск. бағ „голова“ > баһақ „колос“; тюркск. тул „язык“ > тулақ „ледяная сосулька“; тюркск. қунғур, балк. қуғғур „кривой“, тел. қунғурақ „кривой нож (кинжал)“; халх. ʒaɣɣɪ, калм. кӀг „стамеска, коса“.

Древние образования с этим суффиксом встречаются в чувашском языке довольно часто и без значения уменьшительности, например: чув. иҫӗх „луна“ (< аҫ-иҫ, тюркск. аҫ), җәләх „конский волос“ (< қул-уҫ, тюркск. қул, монг. килга-сун); риләк „бедро“ (< тюркск. бел, монг. бел, белке-гүсүн „область бедра“); тӗлӗх „вдова“ (< тюркск. тул „вдова“, кор. тул „покинутая жена“, монг. тулгуи „одинокая“); кӗштӗк „древесный уголь“ [тюркск. көшӗг — то же < көш- „(древесные угли на ночь) прикрывать золой, зарывать“]. После долгого -а-, -ӑ- в чувашском языке -х-, -к- фонетически закономерно выпадала: тюркск. јозақ, тат. јузақ, чув. ӗҫӗга „висячий замок“, ср. маньч. јосе, голд. јесо, јосо, јовсо „висячий замок“; тюркск. бӱҗрәк „почка“, чув. рӑҫа, монг. бөгөгө (то же).

Этот суффикс -ақ, в котором элемент -а- опирается на обобщение в тюркской традиции, в сочетании с другими суффиксами давал различные, более распространенные окончания для образования уменьшительной формы: -сақ(-суҫ), -ақас (якут. -аҕас), -қун-ақ (-қубақ, -қујақ), -қајақ, -ақ-қај, -анақ, -шақ, -ғақ и т. д. Из-за большей точности им в настоящее время отдается предпочтение перед -ақ.

б) Монг., тунг. -кі, тюркск. -қ, -иқ, -қу. Монг. қитәкі „песок, пыль“; тюркск. қиш (то же); тунг. сула, сулакі „красная лиса“, кор. салк, солк „дикая кошка“, — ср. тюркск. тӱлкі, тӱлкӱ, тӱлкӱ, тӱлгӱ, тӱлгі „лиса“, быть может, < тӱ-і-кі „волосатый, длинношерстный“, от тюркск. тӱ „волосистой покров у зверей“; монг. даҕаки „шерсть“, даҕаки-га- „взьерошиваться, сбиваться (о шерсти животных)“, тюркск. јарақ „руно“, тунг. иісәкі „плечо“, маньч. ііса (то же); тунг. тіҗәкі, голд. ҫіҗә „шкура (поги)“, тунг. тӱкі, тӱ „лось“. Помимо упоминавшихся выше, в тунгусском языке для наименований животных существует ряд слов, имеющих в исходе -кі, например: һогокі, наряду с һого „тетерев“, туҗәкі, наряду с туҗә „ворона“, іпәкі наряду с іпа „собака“. К этой группе относятся, пожалуй, и тюркск. јуҫу „коши, табуи копей“.

Этот -кі, выступающий как носитель конкретности смысла, следует отличать от адъективообразующего суффикса -кі, -су.

в) Монг., тунг. -га, тюркск. -қ. Монг. ајага, калм. аҫа „пшала“, тунг. һаҫа, аҫа, тюркск. ајақ (то же) < первонач. *раі „скорлупа, корыто, лодка“, кор. раі (произн. рӑ) „лодка“, тунг. һа-таҫа „(выдолбленная или полая) ива или осина для лодки“; монг. қалбага „ложка“, ср.-тюркск. қаһуқ, қаһуқ (то же), тунг. кәлбика „заступ“, ср. тунг. калба, калбі „лопатка (анат.)“, кор. кәлбі, маньч.

җалбага (то же); монг. килга, қулга „нож“, ср. мангер. кото, ороц. куҫига, куҫка (то же); монг. сиҫуга, ҫиҫуга „кнул“, монг. сибиҫе „шило“ < sibü-, ср. тюркск. sivrüg „острый, остроконечный“, тур. sivri, sifri, тат. сӱҗрӱ, чув. ӗвӗр, сӱҫеӗ „острый“; н.-монг. саһа „палочка для еды“, маньч. сапка (то же), ср. тюркск. сап „рукоятка, стебель“, кор. сап „лопата, заступ“; монг. тајага сап „палка“, тюркск. тајақ „посох (странника)“, ср. тюркск. монг. таја- „опираться“ и др.

Как это видно на данных примерах, -га встречается чаще всего в словах, обозначающих предметы домашнего обихода. Далее мы находим его, пожалуй, еще и в составном суффиксе монг. -са, тунг. -ска > -кса. Этот суффикс встречается в словах, которые обозначают мех зверей или кору деревьев и т. п., например: монг. ада-са „шкура коня“ (adagun „конь“), үке-ске „коровья шкура“ (үкер „рогатый скот“), тунг. көһи-кса „овечья шерсть“ (монг. қоһи, др.-тюркск. қоһ „овца“), шиги-кса „шкура коня“ (монг. шиги „конь“), монг. қиҫса „шерсть ягненок“ (монг. қиҫган „ягненок“, тюркск. қоһу „ягненок“, бурят. күндеткә „бобринья шерсть“ (тюркск. қундуз, чув. җәпӗӗг „бобр“; тунг. сулакі-кса „лисий мех“, ипәкі-кса „собачий мех“, тапмакса „облако, туман“ (ср. тунг. таппа-һап „стало туманно“, тунг. силуксе „роса“ (кор. сиҫи „утренняя роса“, исиҫ „роса“).

Уже на очень раннем этапе путем присоединения к -га окончания -һа возник составной суффикс — монг. гаһа, тюркск. -һап, весьма употребительный в наименованиях маленьких животных и растений, например: монг. қарагаһа „Caragana arborescens“ (qara „черный“), аһагаһа „куст с золотистой корой“ (аһап „золото“), җеддегене „земляника“ (якут. җәҗән — то же < җе-, ср. тюркск. је- „есть“); др.-тюркск. табуһап, тур. давһап „заяц“, тюркск. суһап, тур. суһап „крыса“, тюркск. саһуһап „лютик, одуванчик“ и т. п. Путем присоединения к -га суффикса -һиҫи, -һиҫин возникло окончание -гаһиҫи, которое очень часто встречается в наименованиях птиц и насекомых: монг. көгелһиҫин „голубь“ (< *көке-гелһиҫин, букв. „голубая птица“), сиругалһиҫин „муравей“, тутагалһиҫин „перелес“, атагалһиҫин „паук“, агаһиҫин — то же (< *һаһе-һидин) и т. д.

Древним является также и окончание -га (тюркск. -иҫу) или -дурга (тюркск. -дурғу), в котором -г- происходит из глагола или из имени, например: якут. җатуҕук, койб. қастурғу, қастурғу, тат. қажу, бурят. җасирга „древесная кора, кора“, ср. самод. тавги, касу, ост.-самод. кәс (то же); монг. қидурга „подхвостник“, тюркск. қидурғу, тат. қиҫу, чув. җӗге „хвост“, ср. монг. қидус-қа „хвост“; монг. пидурга „кулак“, якут. ситурук, казах. җидурғу, алт. јуҫуғу (то же); монг. көмүлдүрге „нагрудный ремень (у коня)“, команд. көмүлдрүк, тур. күмүлдүрүк — то же (ср. тюркск. көңүл „грудь“); алт., тел. өмүлдрүк „нагрудный ремень“ (ср. чаг. өмгән „грудь лошади“, алт., тел. өмӱг „перед у шкуры“; см. SKB, стр. 216, под словом (кор.) phum „breast, bosom“); якут. моитурук „боа (мех на шею)“ (якут. моин „шея“).

Окончание -га встречается также в некоторых словах, которыми обозначается степень родства, например: монг. abaga „брат отца“ (aba „отец“; abagai „жена“, abagai „принцесса“), монг. ešige „отец“ (др.-монг. ešē, монгНТ., могол. eše, тюркск. äči „отец“; тур. äža „дед, старец“, чув. aža „отец“), гольд. eška, маньч. ešike „младший брат отца“; монг. emege „бабушка (eme „мать“), монг. ebüge, ebüke, маньч. efü „дед“; монг. ötegi, ötüge „старик“; чаг. ötkä „медведь“ (ср. монг. ötül- ötel- „стареть“, чув. vad „старик“). Кроме того, -га часто встречается также и в названиях животных, например: монг. gölige „детеныш“ (у животных) тюркск. kösäk (то же) > венг. kölyök (то же); монг. ešige „осел“ (тюркск. ešäk — то же); монг. ünüge, более древнее hünüge „лиса“ (собственно „пушной зверь“, ср. маньч. fupehen „пушнина, длинные волосы“, маньч. fup „волос“, монг. üsün < древн. hüsün < *hün sün „волос“); монг. botaga, калм. botax, тюркск. bota, ср.-тюркск. botu „верблюжонок“ (ср. афг. botai — то же < тюркск.?).

В тюркских языках много имен, которые имеют в исходе то -q, то гласный звук, например: монг. žubkis, алт., тел. juquq „угол глаза“; монг., тюркск. ömē, казах. kömök „вспомогательный труд (черная работа)“; перс., араб. bilta „ружье“, монг. bilte „фитиль“, казах., тат. myltyq „ружье“; уйг. kirti „правда“, якут. kirdik, kutydyk „правда“; монг. goduli „кривая стрела“, кор. koduri „тупой“, койб. qosty > якут. kustuk „стрела“. Появление здесь этого -q ~ -k этимологически абсолютно не правомерно и может объясняться скорее всего явлением сандхи, имеющим чисто физиологические основы.

§ 101. Кор., тунг., монг. -ači, -či, тюркск. -ač, -č

Это окончание первоначально имело, быть может, только уточняющий (конкретизирующий) характер, но уже на очень раннем историческом этапе взяло на себя роль признака уменьшительности. Примеры:

Кор. aba „отец“, abaži „папочка“ (тунг. awači „лесной дух“); кор. eme „мать“, emeži „мамочка“; кор. kä „собака“, käaži, käži „собачка“; so „бык“, soaži „бычок, теленок“; mał „лошадь“, małaži, małaži „жеребенок“ и т. д.

Тунг. hupaži „девушка, дочь“, ср. мн. ч. hupil < hupnil (< hup < fup „женщина“ = енис.-остк. fu'en — то же + nī „человек“); asāži, asātkān „девочка“ (< *asa, им. п. asi, мн. ч. asāl „жена, женщина“) и др.

Монг. egeči, древнее okeči „старшая сестра, тетка“ (< eke „мать“) и др.

Тюркск., ср.-тюркск. ata „отец“, atač „ребенок, играющий в папу“; ана „мать“, анач „девочка, играющая в маму“; тюркск. atqa „спина“, тур. atqač „горный склон“, якут. argas „грива“, алт. abaš „дед“, āpāš „бабушка“ < abač, āpāč; тел. taibaš < taibaš „дед со стороны матери“, tainaš < tai āpāš „бабушка со сто-

роны матери“; уйг. abušqa „старик“, чаг., вост.-тюркск. abušqa, кюэр. aušqa „старый господин“ (-qa является вторичным окончанием); др.-тюркск. bāg „бек (князь)“, тур. bej, казах. bī, якут. bī. откуда, как форма женск. рода, казах., тат. bika „дама, госпожа“, кирг., тат. bikač „принцесса, барышня“, казах. bikaš, вост.-тюркск. bigaš, bigač „принцесса“, ср. монг. begi, тунг. begin „глава рода“, джурч. be-gi-le, маньч. bejile „князь“ < кит.-кор. pāk > paik „the third grade of nobility“ (SKE, стр. 182); монг. bili, карагас. bilā „утка“, чаг. bilic „утенок“; чув. t'seše „цыпленок“, тат. čəbəš, чаг. čimčik „воробей“, куманд. čimčigāš „синица“; карагас. šurus „маленькая щука“ (< šuruč), ср. монг. šuruqai, тат. šurugai „щука“; коман. qaruč „кошелек“ < тюркск. (койб.) qar „мешок“, ср.-тюркск. qar „шланг, сосуд, яичная скорлупа“, тур. qarqač, qarqaža „карман“, тат. qarşuq (то же), кор. kar „мешок, ящик“, (SKE, стр. 95); др.-тюркск. oγul „сын“, шор. ōlaq, ōlaqaš (< ōlāš) „мальчишечка, мальчонка“; шор. oi „долина“, ojoq, oiqaš „котловина“ и др.

В тюркских языках, особенно в тел., алт., шор., якут., окончание -ač (-aš, якут. -as) встречается часто и является продуктивным. Составной суффикс -čqa весьма рано дал -žqa, который ныне, особенно в татарском языке, стал весьма популярным в уменьшительных и ласкательных, например: тат. jaп „душа“, ja-pašqa „душенька“, jaγ „друг“, jaγašqa „дружок“, чув. jaške (то же), тат. čəbəš, čəbəškā „цыпленок“.

Чувашский уменьшительный суффикс -š- тоже, по всей вероятности, следует возвести к -č-. Обычно он связывается с личными суффиксами, например: чув. ut „конь“, utšim „мой конек“, turš „бог“, turšim „мой бог“, šona „сани“, šonapim „мои саночки“ и др. Впрочем, этот -š- (< -č-) очень часто встречается и в сочетании с другими суффиксами, которые тоже имеют уменьшительное значение. Например, в якутском уменьшительная форма образуется при помощи окончания -agas < -aq-ač и это окончание переходит даже к прилагательным, например: тюркск. saruγ „желтый“, якут. atagas „желтый“; тюркск. toγuγ „коричневый“, якут. turagas; тюркск., казах., алт. syγuq „пест“, якут. uragas (< suruq ač); якут. bās „ель“, bāγžik, bāγžigās „елочка“ и т. д.¹⁷⁵

Возможно, что западнотюркское -aš, -š с очень недавних пор распространилось на область калмыцкого языка и что, таким образом, волжско-калмыцкие уменьшительные образования вроде: poγāš, poγāška „Нохашка (собака)“, tsagaš, tsagaška „маленькая Цаган = Цагашка“ (распространенное женское имя), и подобные этим ласкательные имена, должны быть возведены к татарским, а может быть и к русским прототипам. Ср. еще венг. kö „камеш“ и kövecs „камушек“ и т. д. Монг. -čai = гольд., тунг. -ča, тюркск. -ča и, как дальнейшие производные образования, тунг. -čān, -žān, гольд. -žoan.

Суффикс -ča опирается, вероятно, на слияние -č- с -ai. Примеры: гольд. šamača „мамаша“ (šama „старая женщина“ и „бо-

гиня болезней“), ашаа, абаа „панаша“; монг. qaraqa-šai, калм. qarātsā „ласточка“, тюркск., саг. qarač-qai, барг. qaračqu, якут. qarangačy „ласточка“ (< qara „черный“); тур. qarača „черный цвет“; казах. quzyiša „корь, краснуха“, тур. quzyılza „румяна“ (< quzyıl „красный“, монг. kigaga „утренняя заря“); тюркск. aıača „невеста, барышня“ (< aıaп „взятый“; „супруга“ < aı- „брат“); тат. šigāšā „височные украшения“ (< šigā „висок“); вост.-тюркск. (капг., яркенд. и т. д.) aıača „хозяйка“ (< aıa „господин, хозяин, старший брат“) и др. Как показывают эти примеры, форма женского рода часто бывает выражена непосредственно уменьшительной формой. Подобным же образом в чувашском языке в качестве окончания для образования женского рода употребляется -sa.

§ 102. Монг. -šaq, -šik, тюркск. -šaq, -šuy

В современных языках для образования уменьшительной и ласкательной формы чаще всего применяется суффикс -šaq, составленный из -š- и -aq, например: алт. abašaq, арсај „паночка“, közi-šäk „глазок“, adušaq, atšaq „лошадка“ и т. д. (см. Алт. гр., § 30); монг. jaŋgiršag, irgiršag „грузовое седло“ (якут. унгуҕ, чув. ипег „седло“); казах. žarqun, žarqunšaq „осколок“; тур. evžik, evžegiz „домик“ (ev „дом“), damžayuz „капелька“ (dam „капля“) и др.; так же и для прилагательных, например: шор. šuyā, šiyašaq (< jujqa) „тонкий, узкий“ и т. д. Этот суффикс может быть также и редуцированным и встречаться как в виде -aqač, -uqač, -šaqāč, -šuyāč, так и в виде -šqa, -šqai, -šgai, -šgajač, -qač, -gač, -šqajač, т. е. слитый с уменьшительным суффиксом монг. -qai, тюркск. -qa. Последние из названных суффиксов опираются на производные образования от известных образцов и потому дают в диалектах несколько различные варианты¹⁷⁶.

Употребление в тюркском суффикса -š для образования существительных с конкретным значением восходит, по всей вероятности, к его праязыковому употреблению. Особенно продуктивными являются окончания -yi-š, с помощью которых образуют наименования орудий (инструментов), и -ma-š, посредством которого обозначается результат какого-либо действия, например: тюркск. bas- „ступать“, basyıc „лестница“; buy- „резать“, buyyıc „нож“; bul- „перемешивать, мутить“, bulmač „суп-болтушка“; якут. ätärbäs „сапог“ < etür-mä-š, уйг. ätük, казах., коман. etik, тур. edik, тел., тар. ötük „сапог“ < *etü- „одевать“, маньч. etu- „надевать“.

§ 103. Суффикс адъективности тунг. -ma, монг. -mai

В тунгусском языке от существительного с помощью суффикса -ma образуются соответствующие прилагательные. Примеры:

mō „дерево“, mōma „деревянный“; seļe „железо“, seļeŋe „железный“; altan „золото“, altama „золотой“; гольд. pai „человек“, pai-

ma „человеческий“; гольд. rakšai „мрак“, rakšima „слепой“ (тунг. haktira, лам. hatra „темный“, кор. раш „ночь“, SKE, стр. 187) и др. От прилагательных с помощью того же -ma могут быть произведены вторичные прилагательные, например, тунг. timba „тяжелый, толстый“, timbama „затруднительный“ (ср. монг. šim-bai „толстый, породный, тучный“); тунг. aja „хороший“, ajama „добрый“ и т. д. Употребительна даже удвоенная форма этого суффикса (Василевич, Сл. II, стр. 200): -mama, например: ajamama „очень добрый“. Наряду с другими окончаниями -ma встречается также и в названиях цвета, например: тунг. singama „желтый“ (singarin „желтый“, singaiian „желтоватый“, кор. siŋ-a „красно-коричневый“), hulama „красный“ (hularin „красный“, ср. монг. ulagan „красный“), bagdama „белый“ (bagdarin „белый“, ср. кит.-кор. pāk < paik „белый“, SKE, стр. 182), kongnoŋo „черный“ (kongnorin „черный“) и др. В сочетании с окончанием -gda суффикс -ma образовал в тунгусском языке окончание -magda, которое мы находим в следующих словах: тунг. hamagda „ива (как материал для илюпки)“ (SKE, стр. 181), dammagda, bojamagda, okomagda (< dau, boja, oko — различные виды лосося), как обозначения невода для соответствующего вида лосося (magda отнюдь не является здесь существительным со значением „невод“, как предполагает Петрова, стр. 55); следовательно, -gda является окончанием, с помощью которого слова адъективного характера субстантивируются (иначе у Василевича, Сл. II, стр. 194).

В монгольском языке соответственным суффиксом является регулярный -mai, который, однако, не упоминается в грамматиках и, по-видимому, встречается редко, например: монг. talamai „плоский, ровный“ (= тунг. tallamai „открытое, гладкое место на льду“; ср. монг., маньч., тюркск. tala „стеня, равнина“), монг. žagalmai „крестообразный“ (< монг. žagal, маньч. ž:žala — то же, кор. šai, SKE, стр. 20), монг. paŋmai „все, вместе взятое“ (ср. окончание мн. ч. -paŋ, тюркск. -lar, см. выше, § 28), монг. pojiŋmai, pojiŋ-mai „сонный“ (ср. pojiŋ „сон“); гольд. (Протодьконов, стр. 521) k'otŋiŋi „пожны“ (ср. монг. qoŋ „карман, колчан“); монг. ögūne „сливья“ > шор. ögūna, тув. ögūna — то же (ср. монг., тюркск. *ögū „верхнее“); Жамцарано приводит из бурятского tuŋamai „полезный“ (< tuŋa „польза“, монг. tusa, уйг. tusu), а на стр. 11 в „Гэсэр-Богдо“ мы находим ermei „мужской“ ~ ereme, от erc „мужчина“, ср. ermeg „бесплодная (о кобылице)“, как и pagurmag „болото, пруд“ (от pagur „море“); там же, на стр. 23 xarŋmai ulān tamxiji „свой красный-прекрасный табак“ (~ xarŋmai, ср. xarān „утренняя заря“, тюркск. quzyıl „красный“); калм. xidm ~ xidmiz „первоначально“ (< *xid = тюркск. qud „корень“); монг. НГ. de'erme „грабеж, нападение“ (ср. de'ere „высокий, наверху“, de-būri¹⁷⁷ „крыша“), ö'erme-ši-le- (< öerme) „держаться обособленно“, ži'ürme-de- „еще пополнить (прибавиться в весе, увеличиться)“ (Hacnisch) или, точнее, „удвоиться“, тунг. žunme „двойной“ <

жигте < žig „два“ (Василевич, Сл. II, стр. 48), монг. žigün — то же, тюркск. jigirmi „двадцать“.

В тюркском также этот суффикс -на известен как адъективнообразующий, так как в древнетюркском языке появляется составной суффикс -ууна, как окончание причастия настоящего времени; таким образом, здесь суффикс адъективности -на был присоединен к субстантивнообразующему -уу (ср. выше § 66), например: др.-тюркск. tänsi oğlu jatuuna taу „гора, где лежит сын Тэнси“, bödkä (bu ödkä) körtügmä bäglär „бей, которые платят дань нашему правительству“, il(el)birigmä tängi „небеса, создающие государства“ и др. Помимо этого древнего сочетания -уна, которое в языках более позднего происхождения в основном, за исключением нескольких остаточных случаев, утратилось (между прочим, в уйг. tägmä „так сказать“), суффикс -на встречается в тюркском языке все же довольно редко. Тем не менее вероятно, что этот суффикс мы имеем в тюркск. tuñmaçу, tuñmaç „толмач“ (< tül „язык“); уйг. kälamaçi, kälmaç, монг. kelemeçi, kelemeçi, kelemeçi „толмач“ < *käl, монг. kele „язык, язык (речь)“, чув. kala- „говорить“; путем сочетания с субстантивирующим суффиксом -q, -aq был затем произведен отыменный суффикс -шаq, например: oйнаq „яма“ (oi „овраг“); бараб. ižmäk „нагольная рукавица“ (iç „внутреннее“); койб. ortamaq „средний“ (orta „середина“); якут. үөспрүх „место для стряпни“ (монг., тюркск. qoş „кухня“); монг. пагунтаг „пруд“ (пагун „озеро“); монг. егеһег „бесплодный“ > тел. ägämik — то же (ege, тюркск. äg „мужчина“); монг. кігтаг „первый снег“ (монг. кігаги „иней“, якут. кугаса „первый снег“); кор. palмаk тюркск. başmaq „бапмак, обувь“ (кор. pal, гольд. palga, ольч. falga, тунг. halga, alga „нога“; см. SKE, стр. 186); чув. səmaх (> мар. šamaк) „слово, разговор“ (< *savmaq от др.-тюркск. sab, уйг., ср.-тюркск. saw > венг. szó); быть может, также и тюркск. екмәк, ökmәк, сол. utuma „хлеб“ (калм. ödmәg — то же < тюркск.), койб. tibilgäk < tigilbäk „крутой, обрывистый“ (казах. tikä, монг. čike „крутой, прямой“, кор. čik „прямо, искренний“; см. SKE, стр. 33)¹⁷⁸.

§ 104. Тунг., монг. -на, тюркск. -п, -ап

Древний суффикс -на мы имеем, например, в гольд. ahe-na-ksa „чешуя рыбы-самца“, eni-pe-ksa „чешуя рыбы-самки“ (апа „отец“, ene „мать“; относительно -ksa см. § 100, в); enine „самка“, aпи-paпki „изобилие самцов (лососей)“ и др. Тот же самый суффикс, хотя и в несколько фонетически смягченной форме, мы имеем в тунг., гольд., ольч. и др. -на, -не: гольд. da, даhe „устье реки“, rikta, ritkahe (< riktaña) „сын, ребенок“, паожи, паожиhe „ребенок, дсвочка“ и др. В приведенных выше примерах этот суффикс имеет четкое уменьшительное значение, в иных же случаях он является просто формантом, специальное значение которого трудно поддается анализу, например: гольд. bot'ko-he „ягода“, ольч. буje-pe

„вошь“ (ср. монг. böge-sün „вошь“, тюркск. bi, bit „тарантул“, „вошь“), тунг. tirkana „гвоздь“ (ср. манегер. tirkasu, ороц. typpo „железный гвоздь“ < tir, епис.-ост. tir „железо“, монг. tebene, казах. tebän „большая игла“) и др.

В монгольском языке во многих существительных древнего происхождения встречается древнее окончание -на, например: монг. багапа, калм. бауһа, казах. бақап „опорный стержень (пилястр), опорный штанг“ (ср. якут. багах „мачтовое дерево“, гольд. baksa „столб“), монг. күһене, тюркск. күзөн, коман. күзән „хорёк“ (ср. монг. күһең „красно-коричневый“ > тел., койб., тар. күрәң, тюркск. күз, чув. кәг „осень“, монг. күһе-іжи-ге-не „коричневая саранча“), монг. огутина, оgtuna, маньч. охотона „степная крыса“, букв. „короткохвостая крыса“ (ср. монг. огутур, ogtur „кущый, короткохвостый“), монг. бөдүһе „перепел“ > чаг. бөдәнә, казах. бөдөнө, тат. бүдәнә, тел. бөдүнә — то же (ср. чаг. рүдүрчүн, монг. бөдүрчүн — то же), монг. сонгина „лук“, чаг., коман., тур. соған, балк. соған, алт., тел. соғоно (то же); монг. тебене, калм. теһне „большая игла“, тюркск. тәһән, коман. тәһән (то же); монг. иқина „возел по второму году“ (ср. калм. иханьса „вприпрыжку“, монг. иқис кі- „братъ разбег, бросаться вперед“), монг. сагапа „луковица лилии“, тат. сагапа — то же (вероятно, из сага в значении „белый, светлый, бледный“, тат. саз — то же), монг. илапа, илагана „малина“, халх. иләна „щавель“ < илән „красный“; тур. чаг. тәкпә „квашня“, коман. тәгәнә, тат. тәгәнә „корыто, большая лохань“, чув. тагапа „корыто“ (ср. казах. тегәш, тат. тегәш „большая миска“, венг. текпө „корыто“); монг. агина, агаина, калм. аһин „водолаз“, тел., алт. аһина, шор. аһин, бараб. аһаин „куропатка“ (ср. шор. аһи, аһуи — то же); монг. бөкүһе, бөкүгүһе, калм. бөкүнә „комары“ (ср. кор. шөгји, пегји — то же, SKE, стр. 150).

Как это уже подчеркивалось выше (§ 100 в, суфф. -га), сложно-составное окончание -гана очень активно участвовало в образовании наименований животных и растений в монгольском языке, например: qaragana („черное“), илагана („красное“), altagana („золотое“) и др.; alagana „ёрш“ (alag, тюркск. ala „пестрый“); batagana „домашняя муха“ (ср. шор. padat „большая муха“); монг. balčirgana „чихательный корень“; тюркск., тат. baldyran „медвежья травка“, тур. baldyran „болиголов“, „Spiraea“, чув. pulbәran „медвежий коготь“; монг. балапа, balagana „некий кустарник“, шор. palan „бузина, полевой клен“, тат. балап — то же; монг. žedegene „земляника“ > якут. žädän, žäjän — то же (от монг. *žede-, тюркск. jed-; ср. койб. čestäk, казах. žiläk, чув. širla „земляника“); монг. esergene „легкая лихорадка с сышью“ (< тюркск., ср. тур. usyran „крапивница“ и тюркск. isig, usyу, казах. issi „горячий“, алт. üzüg, üzü „горячий“ или „лихорадка“). В тюркском языке соответственными окончаниями являются -ап и -уап, например: др.-тюркск. tabyşyan, якут. tabysхан, чаг. таушан, тур., азерб. давшан „заяц“ (ср. монг. taulai, у Гиригоса thalpkhai); уйг., чаг. сушан, койб. sysqan, алт. čушqan, казах. тышqan, тур. сушан „мышь“ (ср.

монг. *šičaguli* „крот“ и тюркск. *suč-* „грязнить“, монг. *šiča-*, *siča-* то же); якут. *kytuap* „можжевельник“ < *katʏap* < *kataʏana* (ср. тюрк. *qatu*, монг. *qatagu*, тунг., гольд. *katan*, *kaŋa* „твердый“); тур. *paʒap*, тар. *agraʒap* „овес, дикая пшеница“ (ср. тюркск. *ar* монг. *arbaɪ*, маньч. *arfa* „ячмень“); халх. *quɫqan*, алт. *quɫʏan* „лоски колоса“, монг. *kiɫgana*, маньч. *kiɫʏana* „трава с длинными ворсинками“ (ср. тюркск. *quɫ* „конский волос“, чув. *χəɫəχ*, мо *kiɫgasun* — то же); чув. *ššlan* „колючее растение“ [< **syɫʏan*, *ššl* < *syɫ* „зуб, зубец“, тюркск. *suš*, *šiš* „вертел“, койб. *sis* (то же монг. *silbū*, *silbūsün* „иглы (хвойного дерева)“, тунг. *silgi-*, *silgi-* „прокалывать“, *siɫa-* „жарить на вертеле“]; чув. *χəɫəχəp* „кор“ (ср. *χəɫə* „красный, краснуха“, тюркск. *quzuɫ* „красный“, мо *kiɫʏan* „утренняя заря“) и др.

Различию, которое существует в гольдском языке между *e* и *eɪnɛs*, соответствует в тюркском языке подобное же различие между *är* „мужчина“ и *ärän* „мужественный, мужественность (мужество)“ (> венг. *erényi* „добродетель“). Значение окончаний *-an* ~ *-än* зачастую приводило к тому, что образованная при *e* помощи форма воспринималась как множественное число основной формы, например: др.-тюркск. *oʏul* „сын“, *oʏlan* „сыновья“; якут. *ärättär* < *ärät-lär* < *ärät*, монг. мн. ч. от *ärän*; якут. *uoɫ* „сын“, мн. *uoɫattar* „сыновья“; чаг. (Радлов, IV, 1580) *beglär wa begat* „бей и бей (сыновья)“ и др.

То, что мы имеем здесь, дело вовсе не с образованием множественного числа, видно, между прочим, из следующих примеров: тюркск. *öz* „внутреннее, среднее, индивид, мозг (костный), сердцевина“, тюркск. *özän* „внутренность, семя дерева“, казах. *özön* „река“, балк. *özen* „долина“, в живом языке *özön* „ось“ [ср. чув. *v* „середина, внутренность, живот, ущелье, ручей“, монг. *öü* „внутренность (пупро), грудь, сердце“]; вост.-тюркск. *tora* „пыль, земля“, шор. *toban* „мучная пыль“ (ср. чув. *təva* „заводь“, тюркск. *toran* чув. *təra* „земля“); тюркск. *toz*, тат. *tuz* „(летающая) пыль“, тюркск., казах. *tozan*, тат. *tuzan* „пыль“ (ср. монг. *toɫu*, маньч. *toɫon* — то же); койб. *qozon*, *qozan*, казах. *qoʒan*, тат. *quʒ* „заяц“ > чув. *kuʒan* (искон. *qodaɫ*, ср. монг. *godu* „заячья лапка, мягкая лапа, шкурка с лапы“); тат. *soʒan*, чув. *səran* „недубленая сырая кожа“ (ср. монг. *sur* „ремень, сырая кожа“, ольч. *suek* „ремень“); *širaɫ* „берег“, шор. *šarna* — то же (ср. чув. *šir*, шор. *šar*, тюркск. *jar* „обрывистый берег“, ср.-тюркск. *jarɫʏa* „обрывистое место“); тюркск. *kötän*, чув. *kuɫan* „зад, толстая кишка“ < тюркск. *köt*, чув. *kuɫ* „задняя часть“, монг. *köte* „свита“, монг. *köte* „слуга“¹⁷⁰; балк., казах. *sazan* (> русск. *сазан*) „кари“ < бую „бледная рыба“ (ср. тюркск. *saz* „бледный“, тат. *saza-* „стареть, сидеть“, балк., казах. *sazar-* „бледнеть“, монг. *siɫa* „желтый“).

Монгольское окончание *-na* (*-una*, *-ana*) соответствует, таким образом, тюркскому *-an*, но там, где в тюркском появляется *-na*, *-pa* там следует предположить более свежие заимствования, так, например: шор. *šarna*, тюркск. *turna* и т. п.

Наряду с окончанием *-na* первоначально существовало также *-ña*, которое в древнетюркском языке должно было бы иметь форму *-añ* (например: *šuañ* „бедный, жалкий“, позднее *šuaɫan*, *šuaɫai*; *quɫañ* „киданец“, позднее *quɫai* „Китай, Cathay“). Путем присоединения к *-ki-*, *-qu-* окончания *-ña* (см. § 114) возникло древнетюркское и уйгурское уменьшительное окончание *-quña*, которое является употребительным еще и в настоящее время и звучит ныне как *-quja*, либо *-qupa*: *azquja* „немножечко, очень немножко“, *kičkija*, *kičkinä* „маленький, малюсенький“ и т. п. Окончание *-ña*, *-ñä* во многих словах сохранило свой изначальный гласный, что вообще не свойственно тюркскому языку, например: др.-тюркск. *tuɫiña*, тюркск. *turna*, якут. *tuɫiɫa* „журавль“. Якутские уменьшительные на *-ja*, по всей вероятности, восходят к некоему типу словообразования на *ña*, который в тунгусском языке выступает как правомерное соответствие *-na* ~ *-ña*: тунг. *ingeñe* „двенадцатиперстная кишка, Duodenum“, тунг. *iktana*, *iktene*, лам. *itan* „олень по третьему году“ (< *ikte* „зуб“, так же как монг. *sidülen* „домашнее животное, трехгодовалое“ < *sidün* „зуб“ и якут. *tysaɫan* „трехгодовалый“ < *tys* „зуб“). Поскольку невозможно обнаружить какое-либо различие в значении между *-na* и *-ña*, следует предположить, что здесь мы имеем дело с очень древними вариантами одного и того же суффикса.

В корейском языке едва ли возможно засвидетельствовать наличие суффикса *-ña*, поскольку там закономерным является выпадение гласного и развитие *n* > *j*¹⁸⁰.

§ 105. Монг. *-lai* (*-rai*), тунг. *-lā* (*-rā*)

Представляется несколько затруднительным решить, является ли довольно редкий в монгольском языке суффикс *-lai* исторически первичным или сложносоставным образованием из *-l* + *-ai*, либо же он возник по аналогии, например: монг., *laɫnai*, *taɫlai* „небо“ (? ср. кит.-кор. *thjen* „небо“); монг. *maɫnai*, *maɫlai* „лоб“ (? ср.-кор. *maɫ-kkɪp* „повязка на лоб“, Gale, стр. 341); монг. *qubilai* „Кублайхан“ (< монг. *qubi* „доля, счастье“); монг. *qonɫulai*, *qonɫulai* „туловище, бедро“ (ср. монг. *qonɫusqa* „мясо с ляжки (коня)“, все < монг., тюркск. *qon* — то же); казах. *qigalai* „дождливое время года“ (< монг. *qiga* „дождь“). В образовании форм монг., халх. *noɫalai* (< *noɫan* „зеленый, трава“) „весенний помет зайца“, халх. *dewelei* (< *dewē* „нарост“) „летний помет зайца“, халх. *χitalai* (< *χitā*, монг. *kiɫaɫu* „зрелость“) „то же поздней осенью“ должна была, во всяком случае, сыграть роль аналогия с халх. *tūlai* (< монг. *taulai*, тюркск. *tabuʒʏan*) (ср. VA, стр. 103). Поэтому также остается неразрешенным вопрос о том, действительно ли родство этого монгольского суффикса и его закономерных фонетических вариантов *-lā* ~ *-lḗ* с тунгусским языком является исконным; тунг. *sigdile* „промежуток“ (< *sigde* „место

между двумя спинными позвонками"), тунг. isilē „ящерица“ (< irge-, sisirge- „распасться, ломаться“), тунг. ертилē ~ еwtilē „ребро“ (< ерте, еwте „грудь, легкое“), монг. cbci-gün, калм. öwtsün öpisan „грудь“, тунг. олою „дятел“ (< оло-кто „клюв“), тунг. барг. d'ertilē „пища“ (< d'ertī — то же, d'e-pi-, тюркск. je-, мо *je- „есть“); голыд. nektele „довольно низкий“ (< nekte „низкий“); çagžeala „беловатый“ (< çagžeal „белый“); ольч. pjala „тетерев“ (< pja „береза“); см. Петрова, стр. 14.

§ 106. Суффикс -ri, тюркск. -z

В корейском языке имеются вторичные имена с окончанием -ri, -ari (-eri), соответственной которым является в тюркском форме имеющая в исходе -z ~ -uz ~ -uz (ср. VA, стр. 55), например: монг. ag „отверстие“, тюркск. auz (aüz), тат. auz, кирг. ös, якут. и „рот“, кор. aguri, agari „рот, устье, пасть“ (SKE, стр. 5); кор. pat „поле“ > *pat'ari, тюркск. atuz, шор. adys, тар. etiz, монг. at (< *hatar) „пашня, поле“ (SKE, стр. 192); кор. thēŋ „открытый, пустой“ (SKE, стр. 230), тюркск. teŋiz „море“, венг. tenger (то же), но маньч. telgin „озеро“, тунг. tuŋger „озеро“; кор. tih, tihē „спина“ (SKE, стр. 238); кит.-кор. роŋ, кор. роŋoŋi „голова, верхушка горы“, ср. маньч. boŋgo „первый, начало“ (SKE, стр. 205); кор. toŋ „свинья“, tothori (SKE, стр. 274) „поросенок, еловашишка“; кит.-кор. toŋ „свинья“, *toŋuri, тур. domuz, doŋuz, каза. toŋuz, toŋuz „свинья“ (SKE, стр. 272); кит.-кор. taŋ „один“, монг. daŋ „один“, кор. *daŋuri, тюркск. jaŋuz, jaŋuz „один“, койб. paŋa карагас. fiŋus, якут. sogoi-ou (то же), якут. so-ččogotoŋ „совсем один“ (SKE, стр. 255); кит.-кор. taŋ в pi-taŋ „сатин“, *taŋari, якут. taŋas „платье“ (SKE, стр. 254); кит.-кор. čar „плохой, смешанный“, монг. žab-qai „непристойный, неприличный“, тюркск. jabuz, jabla „плохой, дурной“ (SKE, стр. 22); кит.-кор. injeŋ „лицо“, уйг. ta „цвет лица, внешность“, кор. *inje-ŋeri, чаг. mājiz, вост.-тюркск. bāŋiz, тур. bāŋiz „лицо“, уйг., чаг. mājzā- „быть похожим“ (SKE, стр. 147); кит.-кор. tu „голова“, *luri, монг. tōri > ср.-тюркск. tōri „предводитель“, тюркск. tōz, tūz „происхождение, начало“ (SKE, стр. 274); кит.-кор. ise „стул“, маньч. isc, монг., монгНТ. iseri „трон“, кит.-кор. tu „горох“, ольч., голыд. tugi „горох“, койб. khoŋ „боб“, маньч. хохоŋi „горох“ и т. д. Окончание -ri (после гласных) ~ -ari, -uri (после согласных) во многих случаях как будто совпадает с тем -ri ~ -r, который в китайских заимствованиях соответствует кит. -ze („-чек“, „-ко“, немецк. „-chen“, „-lein“, „дитя“); так, например: tu, tugi „горох“; кит. to-ze, монг. tōr „персик“, кит. i-ze, монг. iseri „сидение, стул“, и др. С этим вполне согласуется функция -z как признака уменьшительной формы в тюркском.

В турецком также наряду с -žaq в качестве уменьшительного суффикса имеется еще -žauz: ev „дом“, evžek, evžegiz (evžiz) „домик“; el „рука“, elžek, elžegiz (elžiz) „ручка, рученька“ и т. д.

Но вместе с тем окончание -uz, -z встречается также в роли адъективнообразующего суффикса, например: тюркск. jabuz „плохой“ (ср. выше), semiz, чув. samžr „жирный“ (ср. монг. semeži „сальник“, тунг. semesik — то же, тюркск. semir „толстеть“), tekiz „ровный“ (ср. tegsi „ровный, гладкий“), ekiz, ikiz „парный, близнецы“ (ср. монг. ikire — то же, тюркск. eki, iki „два“, кор. pegin „следующий, другой“ (< *peg- ~ *pek- „быть первым“; SKE, стр. 195, тюркск. ekindi — то же). В существительных мы имеем то же самое -z, например: в тюркск. köküz „сосок“ (ср. kökr-äk „грудь“, монг. kökü „сосок“), др.-тюркск. qadaz „скала“ (ср. монг. qada), ср.-тюркск. sauz „пятно“ (ср. тунг. sakarin „черный“, sakalan — то же), тюркск. sauz „смола“, якут. yas — то же (< saŋ-, монг. saga- „вытекать по каплям“; маньч. saŋa- — то же) и др.

§ 107. Суффикс -sun

Это очень популярное в монгольском языке окончание служит для подчеркивания конкретности значения слова; оно должно быть очень древнее, так как встречается во множестве наиболее употребительных имен, например: usun „вода“ (ср. и „вода“ в языке хуннов, согласно китайским источникам, голыд. uata, тунг. ūakta, лам. öta „волна“, монг. u-gi-ja- „мыть“), jasun „кость“, časun „снег“, čisun „кровь“, üsun „волос“, монгНТ. hūsün < *fū-sün < *fūn-sün „волос“ (ср. маньч. fuŋeŋe „волос“), монг. ūnesün < монгНТ. hūnesün „пепел, зола“ (ср. голыд. puŋekte — то же), монг. dabusun „соль“, джурч. da-bu-su, маньч. dabsun — то же (ср. казах. sor-daut „селитра“); маньч. samsun „конопля“ (ср. кор. sam — то же, монг. čamča < samča „рубахы“; SKE, стр. 222); монг. josun „обычай, правило, закон, обряд“, маньч. joŋsu — то же (ср. тюркск. joŋ в уйг. joŋla- „иметь значение, быть в употреблении, в пользовании, применять“ < кит. joŋ); монг. balgasun „город“ (ср. тунг. ba-lagan „жилье“, тюркск. balyq „город“); монг. balgusun „карп“ (ср. тюркск. balyq „рыба“, кор. palg-aŋi „карп“, SKE, стр. 185); монг., халх. baligu-sun, baliu-sun „большой кухонный нож“; монг., монгНТ. adu'un ~ adu'usun „табун лошадей, скот“, qubčan ~ qubča-sun „платье“; монг. tosun „сало, растительное масло“ (ср. др.-тюркск. to-d- „насыщаться“, to-q „сытый“), монг. argal, argasun „грязь, навоз (как топливо)“, древнее hargal, hargasun, маньч. fažan ~ fargan — то же, койб. aruŋ „грязь“; монг. baitasun (> якут.) ~ baital „кобылица двухлетка“ (> казах., тур., чаг.); монг. монгНТ. üre(n) ~ üresün „плод“ и т. д. Следует заметить, что согласные -n, -r, -l, -s в конце слога перед окончанием -sun выпадают, например: dajin-sun ~ dajisun „враг“, kinul-sun ~ kinusun „поголь“, ujil-sun ~ ujisun „кора березы“, почему присоединение -sun к основе глагола и является только кажущимся.

Наличие этого -sun как в киданском языке, так и в языке джурчен, подтверждается несколькими примерами. Однако образования на -sun, встречающиеся в тюркском, являются заимствованиями.

ваниями из монгольского языка позднего периода. В монгольском языке это окончание стало присоединяться как к заимствованным словам, так и к исконным самобытным именам уже довольно поздно, например: кит.-кор. tai „трубка, дудка“ > бурят. dai, daihan (< dai-sun) — то же (ср. SKE, стр. 151), прок-те „деревянная трубка (дудка)“, монг. del, del(e)sun „грива“, тунг. delsun, delhun (< бурят.), монг. sakigul „хранитель“, sakigulsun > sakigusun „талисман, амулет“ (монг. saki- „стеречь, охранять“, тюркск. saq „бдительный“).

Если такой форме единственного числа, как balgasun „город“, parasun „ель“, čigorsun „кипарис“ противостоят в качестве формы множественного числа balgat, parat, čigot, то эта неправильность в образовании является результатом того, что наряду с древними balgan, paran, čigot позднес были образованы формы на sun.

Параллельно простейшему -sun существуют и более длинные формы суффикса: -da(l)sun, -ga(l)sun, -gu(l)sun, например: jabuda(l)sun „путник“; nilbusun „слеза“, nilbudasun „слона“; ogudasun „клин“, sigudasun „лоскут, тряпка“, čibqadasun „струна“, žalgadasun „стык“, žagadasun „темя, верхушка“; qadagasun „гвоздь, погость“, puragasun „оползень“, sibagasun „штукатурка“, tatagasun „паз“; žordasun ~ žorgasun ~ žorgadasun „щепки, лучина, осколки“; ogugasun „упаковка“; žirugan „черта, строка“, žirugasun ~ žirugasun (то же), žirudasun „карапдаш“; монгНТ. erī'ulsun „пищий“, монгНТ. qara'ul ~ qara'ulsun „разведчик, дозорный“, монгНТ. kebe'te'ul ~ kebe'te'ulsun „ночная стража“, „ночное дежурство у больного“, монгНТ. čagdu'ulsun „арьергард“; sakigul „хранитель, охрана (защита)“, sakigu(l)sun „талисман, амулет“ и т. д.

§ 108. Суффикс -di, -ti, тюркск. -t (кор. -či)

К древнейшим деноминальным суффиксам относятся -ti, тюркск. -t, например: тюркск. bit „вошь“ (ср. чаг., тар. bi „тарантул“, гольд. bijene, монг. bügesün „вошь“); тюркск. tört „четыре“ (ср. монг. dörben „четыре“, döčün „сорок“ < *dörben, *dör-tin); тюркск. art¹⁶¹ „позади“, artymda „позади меня“, artymuzda „позади нас“ (ср. монг. aru „оборотная сторона, север“, тюркск. ar-qa, тунг. ar-kan „спина“), тюркск. üst „верх“, üstündä „сверху“ (ср. бурят. uhē < üsei или üsege „крыша“, тунг. uiski „кверху“, кор. ū „верх, верхняя сторона“, ue „вверху“; SKE, стр. 284); тюркск. alt в послелого altymda „под ним, у него внизу“, altymda „подо мной“, altymda „подо что-нибудь“ [ср. кор. aḡ (дат. п. от al, SKE, стр. 6) „под, внизу“, čib-al „фундамент дома“], тюркск. suṭ „затылок, горный хребет, песочные дюны“ (> венг. szirt „затылок“, ср. монг. sirke „свиная щетина“), тюркск. jigit „voltageur“ (> монг., калм. jēde — то же, ср. тюркск. jig, jeg „хорошо“, тур. jej „хорошо, лучше“, монг. dege-ži < *degedi „высшее, лучшее, первенец, жертва“, degere „наверху“), тюркск. ört „степной пожар“ (örtä- „гореть“, ср. монг., калм. öt „пламя огня“,

örbid- „воспламеняться“, кор. pul ~ pjt < *rör „огонь“, SKE, стр. 208) и др.

В монгольском языке во многих эквивалентах встречается окончание -ži ~ -či, которое восходит к исконному -ti, -di и, вероятно, тождественно упоминавшемуся выше тюркск. -t, например: монг. töbči „пуговица, шар (мяч)“, тунг. torti — то же (ср. тюркск. top „шар“, кор. top „мяч“, rel-mä-dop „пуговица“, SKE, стр. 273); монг. senži „петля, игольное ушко“ (ср. маньч., тунг. sen „ухо“); монг. sinži „форма, фигура, существо, очертание“ (ср. тюркск. sun „тело“, венг. szip — то же); монг. žabiži, калм. džawdži „нижняя челюсть, угол рта“ (ср. гольд. žau, žew „нижняя челюсть“, Грубе, стр. 97); монг. semeži „нутряное сало“ (ср. тюркск. semiz „толстый“, semiz „толстый, жирный“, тунг. sešcsik „сальник“); монг. bögeži, böğüži „скоба, крюк, оправа“, тур. büvāt „мельничная плотина“, вост.-тюркск., казах. bügāt „забивка свай“; монг. pačči, pačči, labči „лист“, paččisun „поверхность листа“ (ср. могол. laba „лист“, тюркск. jaraq, jaryldraq — то же); монг. qaiči „ножницы“ (= тюркск. qajču, также перс., афг., хинд. „ножницы“), тунг. kajti, kait „ножницы“ < qawiti (ср. тюркск., койб. qarty, якут. kurytu „ножницы“, кор. kawī — то же, SKE, стр. 100); монг. sibaži „насекомое“, ср. монг. sibagun „птица“; монг. següži „крестец“, калм. sūži — то же (ср. монг. segü), калм. sül „хвост, руль“); тунг. čā „затылок“ > бурят. säži, тунг. saži „коса“ и др. Поскольку многие из этих слов обозначают части тела, можно предположить, что тот же самый суффиксальный элемент мы имеем и в тюркск. qanat „(птичье) крыло, часть стены юрты“, ср. монг. qana „стена юрты, боковая стена, длинные перья в крыле птицы“; со словом sibaži „насекомое“ можно сравнить такие слова с тем же суффиксальным элементом, как тюркск. qurt „личинка, червь“ (монг. qorqai „насекомое, личинка“), др.-тюркск. jopī „лошадь“ (гольд. jona „табун“ (самодк. čönd „лошадь“), тюркск. jumurtqa „яйцо“, якут. suṣyt — то же (монг. im, nim „яйцо“). В монгольском языке -ži ~ -čin встречается также в некоторых образованиях женского рода, например: moṭgolžin, gunažin „трехлетка“, dönežin „четырёхлётка“ и т. д. -lži ~ -rči < -ldi ~ -rti существует в монгольском и как суффикс, служащий для образования наименований различных растений, насекомых и т. д., например: монг. terelži „рододендрон“, бурят. borolži „ель“, халх. žagalži „артемизид“, монг. kögeži, kögelžigene „голубь“, atalži, alži, aralži „паук“ и т. д. Суффиксальная форма -rti могла также возникнуть и по аналогии со случайным соположением элементов -r и -ti в таких словах, как например чув. šamərt „дерево черемухи“ (> тат. šomrt — то же), ср. монг. žimugu-sun, калм. džimūsn „боярышник“; монг. oḡiči (домонг. *oḡurū) „полость зева“, ср. бараб. aurt, казах. urt „полость рта“; тюркск. qumurtqa, qumursqa „муравей“ < qum „песок“; образование и значение -rti ср. с монг., халх. žorgolži „муравей“ и šoḡō „пыль, песок“ (< монг. sirugalži и sirui, siruai).

В различных алтайских языках засвидетельствован довольно редко встречающийся суффикс -η, например: тюркск., монг. „свежая трава“, кор. phul — то же (SKE, стр. 215), тюркск. монг. öleη, алт. ölöη, чув. valam „луг“; монг. öг „рассвет“ тюркск. ögüη, якут. үгүη „светлый, белый“; тюркск. küz „осень“ монг. күгөη „коричневый, пожелтевший“, ср. тюркск. küzāη, монг. күгөнө „хорек“; тюркск., монг. qara „черный“, монг., тюркск. qara „темный“, монг. qaraq-gui „темнота“, тюркск., уйг. qaraq-γu, qaraq-γu „темнота, темный“; тюркск. boz „серый“, монг. boqa „серый“, монг. boqar-gui „туман“, тюркск. boqar-γu, boqar-γu (то же); тюркск. ala „пестрый“, монг. alag, кор. allak, allök, arag, ellek, elluk, elluη (SKE, стр. 7, см. от al- и стр. 53) — то же тюркск. alaη „беспокойство, глупость, безрассудный, глупый“ (ср. монг. almai „нерешенный, сомнительный, затруднение“); казах. qur, монг. kira „откос, возвышенность“, казах. qurqar „возвышенное место“, qurqa (монг. kira-qai) „небольшая возвышенность“ казах. ört „степной пожар“, öртеη „выжженный луг“; salt, salta „без груза“; казах. qajur „песок в русле реки“, qajrar „мель в реке“; быть может, также и монг. ödün (< hödün) „перо“, кор. pui „перо, кисточка для письма“ (Gale, стр. 468), чаг. *ujuη (Радлов, I, 1635), вероятно, öjüη (< ödün) „перо (на стреле)“; чаг. erip, коман., тел. iγiη „гной“, ср. iγi- „гноиться“; монг. dalu „лепчатка“, тюркск. jal, якут. säi — то же, монг. dalaη „холка (лошади)“.

Применяемый в большинстве алтайских языков суффикс -lan в различных случаях возникал, должно быть, по-разному. Некоторые случаи его употребления могут быть возведены к глаголу или имени на -l или -la + называвшийся выше -η, например: монг. žobal „страдание“, žobalaη — то же, žigal „радость“, žigalaη — то же; тунг. na „земля, государство“ (откуда panai „земляк, гольдольча“, кор. nai „человек, мужчина“, яп. ne), кор. palar (южнокор. pala) „земля, государство“ (<*palaη, SKE, стр. 161); тюркск. jaj „лето“, jajlar (jajlar, jajlar, jajlar) „летнее стойбище (у кочевников)“, quš „зима“, qušlar „зимнее место оседлого жительства“. Фонетический состав этого окончания в тюркских языках значительно меняется, тогда как монгольские примеры свидетельствуют в пользу -laη: žusalar „место летнего пребывания“, žigalar „Место радости“ (топонимическое); ašigular „мир, покой“, „Место покоя“ и т. д. Пожалуй, что во всех этих случаях мы можем усмотреть в нашем окончании своего рода локальное значение. Кажется вероятным, что в некоторых корейских словах на -raη, -raηi, напротив, мы имеем дело со сложносоставным образованием, одним из элементов которого является заимствованное из китайского языка существительное lar „зверь, животное“, например: hōgar(i) „тигр“, šiger(i) „волк“, ср. еще hwaraηi „волшебник“ (см. Кор. Gr., стр. 182). Того же происхождения могли бы быть, возможно, и некоторые тюркские названия животных, например: qablan

„тигр“ (qab- „хватать, ловить“); syrtlan „гиена“ (syrt „спина“); монг. тюркск., arslan „лев“ (ars->arkira- „рычать?“)¹⁸²; burslan „тигр“ (burs- „выть“) и т. д. Более сомнителен вопрос о том, относятся ли сюда и в какой мере монгольские названия некоторых домашних животных на -lan, например: монг. tarlan~tarial „пестрый, в темную крапинку, в мелких пятнах (в применении к рогатому скоту)“, казах. tarlan — то же (ср. казах. tarγuī, tarman — то же, монг. tara- „рассеяться“); монг. sidülen „лошадь по третьему году“ (монг. sidün „зуб“), kižalan „лошадь-четырёхлетка“ (монг. kižagar „край“?, ср. тюркск. quzraq „молодая кобыла-трехлетка“), sojolan „лошадь-четырёхлетка“ (монг. sojagan „клык“), taulan „пятилетний“ (монг. tabun „пять“) > чаг. toian — то же, чаг. čirγulan „лошадь шести лет“ (монг. žirgugan „шесть“; Радлов, III, 2126), казах. torlan „жеребенок“ [ср. чаг. tor „теленки, детеныши (животных)“]. Подобное же значение имеют в монгольском некоторые слова на -lan, например: gulan „трехлетний“ (ж. р. gulan), dönen „четырёхлетний“ (ж. р. dönežin), которые существуют в качестве заимствований во многих тюркских диалектах.

То же самое -lan встречается как в монгольских, так и в тунгусских существительных, указывающих на личное предрасположение или склонность к чему-либо, например: монг. agulan „могущественный“ (монг. agui „очень“, кор. agui „сила, мощь“; SKE, стр. 4), маньч., гольд., ulen „хороший, отличный, превосходный“ (и „наверху“, ulesi „хвалить, превозносить, прославлять“), тунг. daulalan „певуче-радостный“ (daula- „петь“), тунг. dukulan „сведущий в письме, склонный к письму“ (duku- „писать“; возможно и кор. hwaraηi „волшебник“, см. Василевич, Сл. II, стр. 199 и VA стр. 102).

§ 110. Тунг. -ruk, тюркск. -luq¹⁸³

В тунгусском языке окончание -ruk имеет значение оболочки или хранилища чего-либо (ср. Василевич, Сл. II, стр. 205), например: ilme „игла“, inçeruk „коробочка для иглол, коробка с иглолками“; sege „железо“, segeruk „мешок или сундук со старыми железными изделиями“; kala „котелок“, kalaruk „сумка для котелка“; suke „топор“, sukeruk „чехол для топора“; sewe „господин, господь“, seweki „идол“, seweruk „храм, святилище, капище“; тунг. buya „небо“, buyaruk „церковь“ и т. д. Функции и значение тунгусского суффикса -ruk и тюркского -luq тождественны, ср., например, тунг. turuka-ruk „солонка“ (turuka „соль“) с тюркск. toz-luq „солонка“ (toz „соль“ <*tof, чув. išvar, тунг. ta.u в turuka, и turu-da- „засаливать“, айну ruru <*duru „соль, океан“, rupa <*ruru-na „соленый“). В тюркском суффиксе еще на раннем этапе ископный гласный дал варианты u~ü~y~i, и, с точки зрения тюркской фонетики, было бы совершенно невозможно определить, какой гласный в этом весьма обычном окончании -luq, -lük, -luq, -lik является ископным: -u- или -i-. В монгольском языке, например,

мы имеем *čečeg* (тюркск. *čeček*) „цветок“ и *čečeg-lig* (тюркск. *čečsklik*) „цветник“, *bajan* (тюркск. *bağ*) „богатый, богач“ и *bajalig* (тюркск. *bağlıq*) „богатство, благосостояние, состоятельность, богатей“, следовательно, в качестве стандарта мы имеем окончание *-lig*. В монгольском и в тюркском оно обозначает не только хранилище, оболочку, среду и т. д., но также и материал или даже придает существительным — в совершенно отвлеченном представлении — значение состояния и принадлежности (т. е. собственности, обладания), например: тюркск. *tatıy* „вкус“, *tatıylyq* „вкусный“, *tatıylyq* „сладости“; *alp* „герой, богатырь“, *alplyq* „геройство“; *sevig* „любовь (имя действия — Л.С.)“, *seviglik* „любовь, влюбленность“; *tütün* „дым“, *tütünlük* (> *tütünnük*) „дымоход, дымовая труба“; *baş* „голова“, *başlyq* „башлык, капюшон“; *şyş* „вертел“, *şyşlyq* „мясо, обжаренное на вертеле, шаплык“ (< *syş-, ср. тунг. *sila-* „жарить“, *silawın* „вертел“).

Окончание *-lyq* (якут. *-лах*) в тюркском языке благодаря своей распространенности сохранило, несмотря на всю многозначность, четкую обособленность от суффикса *-lyğ, -lig*¹³⁴. И только в таранчинском диалекте новоуйгурского языка, где *-g* в исходной позиции дал *-k*, а этот *-k*, в силу неустойчивости гармонии гласных, превратился даже в *-q*, произошло в позднейшее время совпадение адъективообразующего *-lig* „чем-либо снабженный, оснащенный“ с окончанием значения конкретности *-lyq, -lyğ*.

§ 111. Суффикс *-ki* у существительных

Некоторые существительные в тунгусском и монгольском языках имеют некий суффикс *-ki*, значение которого, однако, утратило уже свою ясность, например: тунг. *sura, suraki* „блоха“; *sula, sulaki* „лиса“; *tō, tōki* „лось“ и др. Тунгусскому *sulaki* „лиса“ соответствует в корейском языке *saik*, диалектное *soik* „дикая кошка“ (SKE, стр. 221), а монгольскому *turaki* „насед“ — корейское *talk* „курица, куры“ (SKE, стр. 253); негид. *toğayı*, тунг. *turaki* „ворона“, монгол. *turaki*; монг. *хоро* „лесной петух“ (< тунг. *horo* < *рого*): тунг. *hogoki*; маньч. *buraki* „пыл, пепел“; тюркск. *qım*, монг. *qımaqi* „пыль, песчинка“; тюркск. *qulyaq*, монг. *qulki* „сера (ушная)“; быть может, и кор. *kuı* „ухо“ и тунг. *kujki* „глухой“ (SKE, стр. 128). Это окончание, довольно обычное для тунгусского языка, в монгольском и корейском встречается только в некоторых словах, а в тюркском засвидетельствовано всего в одном-двух случаях, например: тюркск. *tülkü*, уйг. *tülki* „лиса“, тюркск. *jylky* „скот, стадо“¹³⁵.

§ 112. Суффикс тунг. *-rtın*, монг. *-bči, -bčın*

В тунгусских языках почти в том же самом значении, что и приведенный выше в § 110 *-rik*, выступает суффикс *-rtın* (> негид. *-rip*, гольд. *-bti*, маньч. *-tun*). В монгольском языке этому

окончанию соответствует *-bčın, -bči*, который, следовательно, восходит к *-bti(n)*, например: тунг. *ḡale* „рука“, маньч. *gal, ḡalcka*, маньч. *galaka* (уменьшительное) „ручка“, *ḡalekartın*, маньч. *galakartın* „браслет“; тунг. *uḡakan* „палец“, *uḡakartın* „кольцо, наперсток“, *uḡartın* „наперсток“; гольд. *nasal* „глаз“, *nasartı* „очки“; гольд. *seap (šan)* „ухо“, *seartı* „наушники“ (см. Василевич, Сл. II, стр. 204; Петрова, стр. 17); монг. *čike* „ухо“, *čikebči* „наушники“; монг. *qıgıgı*, халк. *ḡıgı*, калм. *ḡıgıqın* „палец“; монг. *qıgıgıbčın*, халк. *ḡıgıptši* калм. *ḡıgıptši* „кольцо (на палец)“; монг. *sūke* „топор“, *sūkebči* „чехол на топор“; монг. *ḡar* „рука“, *ḡarabči* „перчатка“, монг. *kūžegü*, калм. *kūžün* „шея“, монг. *kūžegübči*, калм. *kūžüptši* „галстук“; монг. *gogolai* „горло, шея“, *qogolabči* „ремешок на шапке (под подбородок)“ и др. Можно предполагать, что мы имеем дело с глагольной основой в маньч. *ḡısitın* „бинты на ноги, обмотки“ < *ḡısi-*, монг. *qıči* „обвертывать, обматывать“.

§ 113. Суффикс монг. *-tu*, тунг. *-ti, -či*

Тюркскому суффиксу *-lig* „чем-либо снабженный“ отвечает по своему значению монгольское адъективное образование на *-tu*. Этот суффикс *-tu*, по Мелиоранскому (см. в АФТ и АФМ) пишется также *-ti*, например, *qıtuqti* „со счастьем, счастливый“. Если исходить из этого, правда сомнительного, древнемонгольского варианта *-ti*, то взаимосвязь с тунгусским *-či* (по Кастрéно *-ti*) становится довольно ясной, во всяком случае значение их одинаково, например: монг. *morıtu* „с коном, конный“, тунг. *murıči* „владеющий конем“, мн. ч. *murıčıl*; тунг. *сıtu adergačıl gegıl (gäksäl)* „кобылица с жеребцом“, тунг. *abdu* „собственность“, *abduči* „зажиточный“ *abdučıl* „богачи“; тунг. *ırgı* „хвост“, *ırgıči* „волк“ и т. д.

В монгольском языке *-tu* как продуктивный словообразовательный элемент прилагательных встречается обычно только при именах, в частности — в топонимике. В остальных случаях его вытесняет очень рано появившийся распространенный суффикс *-tai* (< *-tu-ai*). Примеры: калм. *tsulwürtä* „сом“ (< *čulbugur-tu* „с усами“), *ḡawḡıntä* (< *qabqan-tu* „с крышкой“); калм. *ḡulustä* „С тростником“ (название местности) < *qulusun-tu, elästä* „Песчаный“ (название местности) < *elesuntı, arätä* „лиса“ < *araga-tu* „с хищным зубом“; монг. *čogag* „труба“, *čogatu* „с трубой“ > тат. *čırgat* (Радлов, III, 2173) „медный сосуд для приготовления пива“. Однако обычная форма прилагательного — калм. *tsulwürtä* „с поводьями“, *elštä* (gazı) „песчаный, Пески (место) = Песчаная (земля)“. Окончание *-lä* (< *-tai* < *-tu-ai*) употребляется во всех монгольских диалектах как окончание притяжательных прилагательных¹³⁶, а также в функции падежа. В этой функции оно вытеснило древний социатив на *-luga*, ныне *-lä*. Окончание *-tu-ai*, точно таким же образом, как адъективный родительный падеж на *-u-ai, -u-ai*, образовалось при помощи суффикса *-ai* (см. выше, § 97), например: *gertü* „с домом“, *gertü-ei*

< gertei „с домом, дом-имеющий“, ср. шапу (род. п.) „наших“, шапу-аі > шапаі „нашинских“; монгНГ. temüžinü'eі „Темюджина, собственный Темюджинов“.

В качестве формы множественного числа от -tu с давних пор встречается форма -tap, т. е. закономерное множественное число на -п от параллельной формы на -tai (см. выше § 26), например: монг. peretü „с именем, именитый, знаменитый“, мн. ч. pereten „знаменитые“; монг. erketü „с мощью, могучий, могущественный“, мн. ч. erketen „могущественные, стихии“; монг. amitu (amidu) „живой“, мн. ч. amitan „живые существа“ и т. д.*

Окончание -taj~tej встречается также и в тунгусском, но несомненно заимствовано из монгольского (бурятского?), например: haptaj „заклинатель“ (< монг. ab < hab „околдование, колдовство“), suketej „с топором“, iñilükitej „с ведрами“ и т. п. (см. Василевич, Сл. II, стр. 207). В новомонгольских диалектах это окончание (калм. -tä, -tē) в настоящее время обычно заново присоединяется к именительному падежу, причем такие старые фонетические правила, как выпадение звука -s в исходе основы и перед зубными, утратили свое значение; отсюда, например: morintā „с лошадью“ (древнее moritu, moritai), kentē „с кем“, шанта „с нами“¹⁸⁷ и т. д. То же самое следует сказать относительно окончания -či, -čün, например: калм. tarāntši (более древнее tarātsin) „земледелец“, temēntši „погонщик верблюдов“ (более древнее temētsin) и т. д.

§ 114. Суффикс -ki у прилагательных

К общему достоянию всех этих языков принадлежит также адъективообразующий суффикс монг. -ki, тюркск. -qu~ -ki, с помощью которого производятся имена прилагательные от падежных форм, наречий и т. д. Уже в наиболее древних из известных нам языков он встречается довольно часто. Примеры: гольд., маньч. жа „дешевый, легкий“, джурч. čāh-'á-kih (Грубе) — то же; монг. ende „здесь“, endeki „здешний“; talada „в степи“, taladaki „степной, дикорастущий“; тюркск. jaj „лето“, jajqu „летний“; ötä „сквозь“, ötäki „сквозной“; тауда „на горе“, таудаqu „(на)горный“; чув. tura „на горе“, turi < *turaçi „(на) горный“; монг. olan „много“, olaŋki „те, что в большинстве, по большей части, наибольшие“; монг. jeke „большой“, jekeŋki „в большинстве (те, что больше)“ и т. д. Особого упоминания заслуживает сочетание этого -ki с суффиксом родительного падежа потому, что, во-первых, наряду с -п-ki очень рано существовало и -п-gi, во-вторых, полученный этим путем адъектив вытеснил в тунгусском языке простую форму

* По Рамстеду -tap представляет собой гаплогонию -tu -tap, где элемент -tap заимствован из китайского тэт. На фоне фактов, приводимых в трудах Mostaert-Ordosica, стр. 40, Haenisch, SO, XIV; 3, стр. 4 и др., такое мнение, мне кажется, не может быть поддержано твердо. Случайные примеры с -tu-tap могут опираться и на рекомпозицию. — Прим. П. Аалто.

родительного падежа (Василевич, Сл. II, стр. 204). Примеры: тюркск., тур. benimki, тат. minigi, казах., bāniŋi, māniŋi „(тот, что) мой, мой-то“; монг. minu-ki „(тот, что) мой“, калм. miniki, бурят. minixi, тунг. minixi, miŋi „мой, (тот, что) мой“; монг. aqa jin „старшего брата“, aqajinki, aqajinŋi „то, что старшего брата, принадлежащее старшему брату (братово)“, калм. aŋaŋki. Сюда же относятся и маньчжурское окончание -inŋe, -niŋe, -iniŋe (Захаров, Гр., § 50), с помощью которого от существительных производятся прилагательные (см. выше § 7, А, 3).

§ 115. Адъективообразующий суффикс тунг. -gu, монг. -gui

В тунгусском языке, наряду с приведенными выше -gi, -ki, часто в качестве суффикса, образующего отыменные прилагательные, встречается и -gu (Василевич, Сл. II, стр. 195), например: čā-ski „дальше, дальнейший, последующий“, čā-gū „соседний, находящийся поблизости“, но čā-gi dā „противоположная сторона“, как и bargi dā „противная сторона“ (ср. bargigan „сосед с противоположного берега реки“); тунг. dul-gū „средний“, dulugū hemkečon (herekečon) „средний палец“ < dulin „середина“, тюркск. julun „мозг, сердцевина“, монг., монгНГ. duli „половинный, полу-“; uiski „кверху“, ugū „верхний“, ср. кор. uigo „кверху“, ue „сверху, на“ (SKE, стр. 284); тунг. hergū „нижний“ < here, маньч. here, гольд. pere „нижнее, пол“; тунг. žulēgū „передний“ и т. д.

В качестве соответствия этому -gu можно привести адъективное окончание -tgu в монгольском языке. В новомонгольских диалектах это -tgu имеется в прилагательных, относящихся по выражаемой ими идее к той же группе, что и в тунгусском языке, например: калм. tsārgū „строптивный, тянущий назад (пятящийся)“, pārgū „уступчивый, расположенный к этой стороне, стремящийся сюда, более близкий“, xoŋjirgū „двусмысленный, сомнительный“ (< qoŋan „два“), esseŋgū „антагонистический, враждебный“ (< ese „нет“) и др. Окончание -tgu должно быть, вероятно, истолковано, как возникшее в результате присоединения суффикса -gu к падежу на -tu, то есть к директиву (направительному падежу). Предшествующий -t вызывает диссимиляцию и дает -tgu, например: калм. uŋalgu „слишком наклоненный впереди, слишком нагруженный спереди“, türülgū „кувырком“ и т. д.

В языке монгол для образования прилагательных существует окончание -gu (Monguog. Gr., стр. 34 и др.), которое соответствует в новомонгольских языках формантам -gi, -gi. Может быть, и возможно усмотреть в этом -gu не более поздний вариант -gi~ -gi, а тот же самый элемент, который мы имеем в тунгусском прилагательном на -gu и в монг. -tgu. Засвидетельствованный в древнем монгольском языке тип прилагательного на -agu, -egū (произносился, как -a-ü, -c-ü), в языке более позднего времени утратился; например: монгНГ. dolo un, dolo'u „нижний“, eŋe ü „внутренний, тайный“,

üge ü „бедный“ и др. Этому -агу, -а-и соответствует, возможно, встречающееся в тюркском окончание -ауи, которое, однако, является довольно редким и может быть истолковано и по-иному, например: тюркск., уйг. адуи „различный, другой“, адуна- „менять, переменять“, адунауи „разный, различный“, ср. уйг. адуи-, тат. ајуи- „разделять, отделять“, монг. ајига- „умирать, скончаться“, гольд. раји „отдельный, отличный, различный“, гольд. рајеган, маньч. fažilan „стена“ (< *radigan „стена, ножны, граница“, прагольд. *radi „часть, разделенный“) и др. Собирательные числительные в монгольском и тюркском языках также обнаруживают окончание -агу, например: тюркск. ikāi „оба“, ücāi „по три, втроем“, törtāi „вчетвером“, онаи, якут. оһуо, чув. үһһә „вдсятером, все десятиеро“. Я все же придерживаюсь того мнения, что -агу, передающее значение коллективности (уйг. онауи), следовало бы отличать от чисто адъективнообразующего -агу (уйг. адунауи). Это -агу, которое мы находим в тюркск. онауи, törtägü, монг. gurbagu (калм. gurwūlḡ < gurbagu-la-n) „все трое“, монг. dörbegü (калм. dörwūlḡ < dörbegü-le-n) „все четверо, вчетвером“, пожалуй, скорее всего может быть сопоставлено с агу- в корейском глаголе аогі- „собирать“, аolla „собранный, целый, весь, и“ (SKE, стр. 12), монг. агуи-жа, даг. аолжа-, халх. үлдзэ- „сходиться, собираться, встречаться, объединяться“, ороц. (Schmidt-Oroches, стр. 10) aulča „a forge, a stack“ (< aul-ča „собрание, коллекция“).

Параллельное существование в прошлом -гуи и -гуи представляется с позиций монгольского языка вполне естественным, а потому в современном окончании -ḡ-гуи, тюркск. -ḡу, -ḡи мы можем усмотреть сложное образование, которое составилось из суффикса -ḡ и суффикса -гуи, -гуи, например: монг. qara-ḡ-гуи „темнота“, тюркск., уйг. qaraḡуи „ночь, мгла“ и т. д.

§ 116. Суффикс -či и имя действующего (Nomen actoris)

К наиболее древним из известных нам слов тюркского языка принадлежат некоторые названия дворцовых должностей, возникшие во времена династии Вей (около 400 г. н. э.), например: ka-ru-či „привратник“ < qaruči, pi-či-či „секретарь, писец“ < biigči, fu-či-či „курьер, почтовый гонец“ < *törtögči (ср. калм. örtatši „почтари, почтовый гонец“). То же самое окончание -či(n), которое мы здесь видим, стало общепринятым как в монгольском, так и в тюркском и существовало затем во все времена для образования слов, обозначающих лиц, несущих какие-либо обязанности или осуществляющих какие-либо действия. Звуковой состав этого суффикса обнаруживает некоторую неопределенность потому, что монгольский язык с давних пор применяет как -či, так и -čiḡ, и, поскольку у существительных, имеющих в исходе -n, этот -n- в позиции перед суффиксом может сохраняться, здесь постоянно происходят новообразования. Примеры: тюркск. taruḡču

„земледелец“, монг. tarijačün, tarijan-či; тюркск. balyqči „рыбак“, тюркск. otaču „лекарь (пользующий травами), врач“, монг. otači; монг. oduči „астролог“, монг. emči „медик“, donči „врач, излечивающий заговорами (dom)“, тюркск. emči jomči, тат. imči jumču „врач (знахарь)“, чув. jumšs (то же); маньч. moriči, монг. moriči „колюх“; монг. adagu-či, калм. adūtsi, бурят. adūši „табунщик“, маньч. aduči (то же); монг., монгНТ. qoninči, qoničin „пасущий овец“, халх. xonitši (то же); монг. temegečün „погонщик верблюдов“, калм. temētšin, temētši, бурят. temēnši, тюркск. teveči, тур. deveži, казах. tüöči (то же) и др.

Поскольку окончание -či является отыменным, слова, обозначающие исполнителя данного действия, образуются от отглагольного имени, а не от глагольной основы. Различные типы Nomen actoris восходят к разнообразным именным основам глаголов, например: монг. biči-g-či „писец“, biči-ge-či (то же), монг. tusala-g-či, tusa-la-ga-či „помощник, помощник государя, канцлер“; тюркск. qol-ḡu-ču „писец“, монг. guji-gin-či (то же); тюркск. jazuču, тат. jazū-ču, тур. jazuču, чув. širu-ža „писец“; тюркск. aluču, тат. alū-ču, тур. aluču, чув. İlä-ža „клиент, покупатель, должник“; тюркск. satuču, тат. satu-ču, тур. satuču, чув. sudu-ža, якут. *aty-sy, aty-syk ~ aty-syt „продавец, купец, торговец“ и др.

Первоначально это окончание служило только для образований, обозначающих человеческую персону, однако довольно скоро стали появляться образования, которые свидетельствуют о расширении области его применения: монг. qatarči „рысак“ (qatar „рысь“, кор. katthi — то же, см. SKE, стр. 100), калм. doptolatsi „прыгун, скаковая лошадь“ и т. д. На примере бурятского языка видно, как это значение постепенно может перейти в значение обычного причастия настоящего времени, например: бурят. tuhalāši em „медицина, которая помогает; помогающая (оказывающая помощь) медицина“¹⁸³ (< tusalaga-či em) и т. д. Так же и в казахском, например, ötkänši žaḡbur „пронизывающий дождь“ и др. Этот -či, характеризующий действующего, встречается также и в ламутском языке, хотя и только (?) в позиции после (тунг.) причастия на -па, например: лам. hulnač „гость“ (дат. п. hulnač-du, аллатив hulnat-tiki), собственно: „ходящий, скитающийся“ < *pul-na-či, kolnač „пьющий, пьяница“ < лам. kol- „пить“.

Относительно происхождения этого суффикса -či, который в форме -č'in (-č'en) встречался уже в придворном языке династии Вей, пока нельзя еще сказать ничего определенного, хотя все же мы, быть может, и имеем основание усмотреть в кит.-кор. čja „мужчина, человек, лицо, персона“ (откуда кор. суффикс -жа, например: kapaḡža „ходок, ходящий“ и т. д.; см. SKE, стр. 17, а также Кор. Gr., § 225, 20, стр. 117 и § 332, 2, стр. 180) исходный момент его возникновения¹⁸⁰.

В тюркских порядковых числительных, имеющих окончание -nč, можно усмотреть включение приведенного выше -či. На такое допущение дает нам право и то обстоятельство, что в калмык-

ском языке порядковые числительные образуют при помощи -daki и -dakiči. Тюркскому -nč в чувашском языке с полной правомочностью должно было бы соответствовать -nš, однако на самом деле мы находим здесь окончания -nšə; это может, как нам кажется, быть объяснено фонетическим заимствованием из тюркского языка: -nč в зап.-тюркск. часто переходит в -nš, а в позиции после губных гласных -n перешло в -nš. Примеры: монг., калм. gurba-da-ki „третий“ (собственно, букв. „то, что находится около «три»“), dörbedeki „четвертый“ или соответственно gurbadaki-či, dörbedeki-či и т. д.; тюркск. üçüncü „третий“, dördüncü „четвертый“, beşinci „пятый“ и т. д.; чув. viššəməš, tšvaršməš, piləməš и т. д. В якутском языке, где -nč в исходной позиции и перед согласными превращается в -s, но в срединной позиции перед гласными бывает замещено -nč- (-nč-), мы имеем ныне, например, üšüs „третий“, törtüs, bäsüs и т. д., но alyñny „шестой месяц“ (< altynč ai); к вопросу о фонетическом развитии ср., например, mustular „они собирались“, miññalar „они собираются“ < miñč-.

Б. СУФФИГИРОВАННЫЕ ИМЕНА

§ 117. Тюркские окончания -čaŋ, -čan

Если приведенное нами выше предположение относительно алт. -či < кит.-кор. čja „лицо, персоне“ верно, то мы можем сказать, что имеем уже дело со сложносоставным образованием, в котором конечный из сочленов низвелся до положения окончания. Как происходит такое ослабление, еще с большей наглядностью можно видеть на примере употребления тюркск. (вост.-тюркск.) суффикса -čaŋ, алт., тел. -čän ~ -čāŋ, тат. -čan, казах. šaŋ, -šan, в основе которого лежит китайское слово „мастер“, кит.-кор. čjaŋ²⁹⁰ (Kor. Gr., § 332, 3, SKE, стр. 22, VA, стр. 104), например: кит.-кор. tai-čjaŋ (< tāzaŋ) „великий мастер, кузнец“, in-zaŋ, in-zaŋgi „серебряных дел мастер“, tok-čaŋ „мастер по дереву, столяр“; затем в тюркском, например, уйг. sözčäŋ, казах. sözšäŋ, тат. süzčän „мастер говорить, словоохотливый“; уйг. ajančaŋ (< ajanč-čaŋ, ajan- „почитать, уважать“) „преисполненный уважения (— с совершенным почтением)“; алт. uŋuščän „спорщик, сварливый“ (< uŋuš- „спорить, сражаться, драться“), keriščän — то же (монг. kere-kde- „спорить“), qoŋqin-čāŋ „боязливый“ (< qoŋqin- „бояться“), taŋunčāŋ „вспыльчивый, шипучий“ (< taŋun- < taŋ „узкий, тесный“); казах. kiršäŋ „легко загрязняющийся“, otšaŋ „быстро жиреющее домашнее животное“, kijimšäŋ „хорошо одетый“ (< тюркск. kedim, казах. kijim „платье, одежда“); тат. üjgänčän (< üjgän- „учиться“) „понятливый, способный к учению“, ištüčän „послушный“ (< ištü- „слушаться, повиноваться“), süjläŋčän „оратор, красноречивый“, sözläšüčän — то же (< süjlä-, sözlä-š- „обсуждать“); тар. ujkičän „соня“ (< ujki < *udu-qui „спанье, сон“) и т. д.

§ 118. Окончание маньч. -su, гольд. -son, -sun

Имя действителя в маньчжурском и гольдском языках часто образуется с помощью суффикса -su, -sun, но тогда оно обозначает, собственно, не того, кто осуществляет действие, а того, кому легко дается осуществление этого действия. Такие образования употребляются не только как существительные, но и в значении прилагательных, например: гольд. geole- „гresti“, geolemž- „гребен“, geolesun „мастер гребли, ловкий гребец“; маньч. oŋgoi „забывать“, oŋgosu „забывчивый“; гольд. ŋgi- „страшиться, пугаться“, ŋgiesun „пугливый“, маньч. gelese (то же); гольд. iče- „видеть, смотреть“, ičesun „зоркий“; sa- „знать“, sason „умный“; wa- „убивать, охотиться“, wason „ловкий (охотник)“ (ср. Захаров, Гр., стр. 79).

Это окончание -su является довольно поздним по происхождению и восходит к идиоматическому употреблению китайского слова (кит.-кор.) sju „рука“. Оно часто употребляется для образования своего рода имени действителя (букв. „рука“ или „расторонный, проворный, ловкий“); это китайское по происхождению словупотребление закрепилось не только в корейском языке, но также и в тунгусском и японском языках (ср. Kor. Gr., § 322, 6, SKE, стр. 241, см. от son и 243, см. от sju), ср., например, яп. kai-te „покупатель“ (букв. „покупка-рука“), uri-te „продавец“ (букв. „продажа-рука“) и другие сложно-составные образования с элементом -te „рука“.

§ 119. Кор. čil, тюркск. -čil

В корейском языке встречается существительное čil, имеющее значение „занятие“, которое может быть присоединено к другому существительному (Kor. Gr., § 332; 18, SKE, стр. 33; VA, стр. 104). Подобного рода составные образования особенно часто применяются с глаголом hađa „делать, исполнять“: по „весло“, požil „гребля“, požil hađa „гresti“; paŋil „игла“, paŋižil „шитье, рукоделие“, paŋižil hađa „шить“ и др. Данное окончание -čil было особенно употребительно в среднетюркском языке; отдельные примеры встречаются еще и поныне, в частности, в северотюркской группе языков, значение же его стало ближе к адъективному. Например: ср.-тюркск. jaŋuŋ „дождь“, jaŋuŋčyŋ „дождливость, дождливый“; ig „болезнь“, igčil „болезненный, состоящие болезни, больной“ (ср. i-d- „быть больным“, монгол. idi- — то же); söz „слово“, sözčil „словоохотливый, говорливый“ и т. д. С подобным же адъективным значением этого окончания мы встречаемся в известных образованиях и в корейском языке, например: kjo-žil „glutinous“ („клейкий“).

§ 120. Кит.-кор. paŋ, маньч., гольд. -ba (-bā)

Поскольку кит.-кор. šja-taŋ „сахарный песок, сахар“ фонетически закономерно соответствует в гольд. и в маньч. šata (sata,

seata), то есть поскольку в тунгусском языке -я в исходе слова утрачивается, следует предположить, что кит.-кор. paŋ „комната“ в маньч. и гольд. появляется в виде ba(ba). Когда paŋ выступает в качестве конечного сочлена сложно-составного слова, то его значение не ограничивается уже передачей представления пространства (или помещения), а оно обозначает также некое лицо, которое как-либо этим присмом характеризуется (ср. нем. „Frauenzimmer“ шведск. „fruntimmer“), например: кит.-кор. sje-baŋ „комната, оборудованная письменными принадлежностями, канцелярия, писец, господин“, Kim sje-baŋ „господин Ким“ > тунг. sewa „господин“ > „господь“, тунг. sewek „посвященный богу олень, животное, обреченное в жертву“, sewakiruk „храм“; кор. pil- „просить“, piŋenbaŋi „нищий“; allaŋ allaŋ hada „льстить“, allaŋbaŋi „льстец“; antta „сидеть“, anŋin „сидящий“, anŋinbaŋi „парализованный (или безногий) калека“ и т. д. (Kor. Gr., § 332, 8). В маньчжурском языке имеются слова на -ba, которые используются для характеристики человека, например: xaŋi „быстро“, xaŋiba „проворный“; kiŋe- „напрягаться, стараться“, kiŋeba, kiŋebe „прилежный, старательный человек“; sere- „бодрствовать, стоять на страже, быть бдительным“, sereba, serebe „бдительный человек“; oŋo- „быть осторожным“, oŋoba „осторожный“; oŋgo- „забывать“, oŋgoba „забывчивый“ и др. Это тунгусское образование на -ba следует толковать как единичное (в смысле языка) и позднее заимствование из корейского.

§ 121. Окончание прилагательных тунг. -pti, гольд. -pŋi, лам. -p

В большинстве тунгусских диалектов для определения временных понятий употребляются прилагательные на -pti (Василевич, Сл. II, стр. 204—), например: негид. ŋawu „позавчера“, ŋawupti „позавчерашний“; gojo „старый, давний“, зап.-тунг. gogo „давний“, негид. gojortŋi „старый, античный“, тунг. gogortŋi „давно прошедшее время“; негид., тунг., гольд. esi „теперь, ныне“, негид. esiptŋi „теперешний, современный, новый“, гольд. esipŋi — то же; гольд. ŋeŋapa, тунг. timapa „завтра“, ŋeŋaparŋi, timapartŋi „завтрашний, завтрашний день“; тунг. ŋulertŋi „предстоящий, будущее“; лам. tinŋp „вчерашний“, aŋar „теперешний“, tarŋp „тогдашний“ и др. В этом -pti, которое, вероятно, представляет собой некое -ptŋi (~-pŋi), скрывается существительное *ptŋi, от которого ptŋi, должно быть, было адъективным производным, т. е. прилагательным на -i, как, например, в слове lamudu „на море“; но lamudŋi „находящийся на море (тот, что на море, морской)“. Это существительное *ptŋi „время“ тождественно корейскому *putai > ttŋ „время, период“, ср.-тюркск. buta „сезон, время года“ (SKE, стр. 284), ср., например, тунг. tariptiduk „со времени“ (< tari-pti-duk) с кор. tje-ptŋe „ко времени“.

§ 122. Ламутский -pŋi; тунг. -ŋkura, -ŋkuŋa, -ŋŋa, кор. -kurŋ

Ламутский язык образует с помощью -pŋi прилагательные со значением „богатый чем-либо“ или „обладающий большим количеством чего-либо“, например: ого „олень“, ogorŋi „богатый оленями (богатый оленями)“, множество оленей имеющий“ aŋi „цена“, aŋipŋi „дорогой“; tati „одежда“, tatiŋpŋi „богатый одеждой“ и др. В этом окончании сочеталось тунг. окончание -ŋi, монг. -tu (см. выше, § 113) с предшествующим -p-, который идентичен тунгусскому *po „много“, кор. pŋo „много“ (SKE, стр. 214); сюда же относится гольд. po „много“, poa-pŋi „несколько, большинство“ roŋima „остальные“, тунг. hŋo „очень, много“, лам. hoŋ, hoŋa — то же. Тип и прием словообразования следует сравнить с монг. mŋŋgŋn jeketŋ „богатый деньгами, имеющий много денег“, adugun olatu „многолошадный“ и т. п.

Соответственное этому значение имеет, как будто, и тунгусский суффикс -ŋkura, с помощью которого образуются, в частности, названия различных растений, например некоторых ягодных кустов (так сказать, „где имеется много чего-либо“), например: гольд. setŋ-kurŋ „тимьян (= богородская трава)“ (< setŋ, ольч. sja „ладан“); seŋseŋ-kurŋ „сирень“ (< seŋse, ольч. seŋse „кровь“); sieŋ-kurŋ „черемуха“ (MA, VIII, стр. 3); uŋuŋ-kurŋ „дикая яблоня“ (uŋikte „дикие яблоки“, монг. ŋŋil < *ŋŋil — то же); тунг. iŋge-kte-mkurŋ „черемуха“ (< тунг. iŋgekte „ягоды черемухи“) и т. д. В корейском языке тоже встречается некое -kurŋgi или -kurŋ в том же значении, например: кер -kurŋgi „трус“ (кер „ужас“), toŋ-gurŋ „вельможа“, piŋeŋ-gurŋ „нищий“ и т. п. Из тюркских слов можно, пожалуй, сопоставить с этим ср.-тюркск. sŋzŋŋŋi (< *sŋzŋŋŋŋŋŋ?) „болтливый“. В монгольском языке суффикс -qulai ~ -qurŋai встречается, кажется, только в личном имени bujanqulai, которое, однако, скорее следовало бы связать с уйг. bujan quly „раб благодеяний“ (монг. < уйг. bujan < айну ruŋya „благодеяние“), см. SKE, стр. 131 и Kor. Gr., § 332, 7.

§ 123. Тунгусский -gan, негид. -kan

Во многих тунгусских диалектах наименования обитателей известных местностей образуют посредством присоединения суффикса -gan, -kan к названию места, например: негид. gedbin-kan „живущий на реке Гедби, гедбинец“, монг., халх. xaŋŋigan „тунгусы Монголии“ (xaŋŋi, тунг. kanŋi-ga „скалы“, kanŋi-ka — то же), букв. „житель гор“ (в подобных случаях -gan, однако, могло бы быть и монг. мн. ч. на -n от некоего прилагательного на -gai); тунг. bargigan „сосед с другой стороны“ (bargi „тот, что на другой стороне“), sologon „живущий вверх по течению (по реке)“, ergŋn „здешний“. Применение этого суффикса в локальном смысле является в тунгусском языке ограничением позднейшего времени, так как его существование в монгольском языке обнаруживает

более широкое употребление, которое следует допустить и в тунгусском языке. В монгольском языке, например, мы имеем *gergen* „жена, женщина“ (< *ger* „дом“, семасиологически ср., например, тюркск. *eñ* „дом“, уйг. *ebci~ärçi* „женщина, хозяйка“), *emegen* „старая женщина, хозяйка“ (ср. „женщина, жена“), *berci, bergen* „невестка, сноха“, *körgen* „зять“ (*kür* в *kür degü* > тюркск. *küdagü*, якут. *küñö*, зап.-тюркск. *küñü*, чув. *kärü*), *sanağan* „старая женщина“, *başagan* „девушка“ и др. Так как конечное -п упорно и твердо удерживается в исходе суффикса -*gan*, мне кажется, этот суффикс следует считать исконным словом со значением „человек“ или „лицо, персона“¹⁹¹.

В тунгусском языке обозначение третьего лица „он, она“ (употребляется только в применении к людям) *ničan* (*ničan, ničan*), мн. ч. *ničan-tan*, гольд. *noan-i, boan-i* тоже относится к этой группе на -*gan*- и должно быть было образовано от основы *ni или *nin „смотри-ка!“, ср. негид. -*niin, -nin* (в *nenen-nin nenjen* „так вот идет он, да идет“, *biča-nin gūnñi* „куда-нибудь на землю“), тунг. (Титов) *nin* „в случае если...“, кор. *nan~nin* частица абсолютного надежда, нечто вроде „вот, сейчас; относительно, чтобы поговорить о... (говоря о...); так как, тогда“ (SKE, стр. 170); тунг. *ničan-i*, мн. ч. *ničan-tan* равняется, таким образом, букв. „того (вон) лица, тех (вон) лиц“. Образованием того же характера является также тунг. *ečan* „что за“ < *jan-gan; точно так же тунг. (Мат. эв. ф. стр. 218) *tañčan* „он, она“, мн. ч. *tañčan* „они“.

§ 124. Маньч. -*yačın*, тунг. -*gačın*, негид. -*goči, -koči*, кор. *kathın* „подобный“

Корейский глагол *kath*-(*katta: katha: kathın*) „быть подобным, быть похожим“, который должен быть возведен к древнему *kotha, где *koč—яп. *koto* (в настоящее время *goto-ku* „такой же, как“), в перфектной форме причастия будет представлять собой *kathın*, а соответственным существительным „подобие, сходство“ будет в кор. *kathi*, южно-кор. *katchi* (SKE, стр. 99). Это *katchi~kathın* имеется и в маньч. -*yačın*, а также в тунг. -*gači~gačın*, которые обычно переводятся словом „как“, например: негид. *beje-gočın* „как человек“, *bičagočın* „как будто бы он“, *oįgočikkon* „только что-нибудь такое, как это (вроде этого)“ (-*kkon~kan* „только“, *oį* < *erj~erj* „это“), *ničan-gočın, ničan-gočın* „похожий на него (подобный ему)“; зап.-тунг. *bejegečın* „как мужчина“, *oįgočın* „как олень, оленеподобный“, *erggečın* „в этом роде (такого рода)“, *targačın* „как тот, такой, как тот (подобный тому)“; лам. *taróčın* „подобный тому“, *igóčın* „который“ и т. п.

§ 125. Тюркск. -*syz*, монг. -*sar~ser* „без- .., без“

Употребляемое во всех тюркских языках и диалектах окончание -*syz* „без“¹⁹² выступает в чув. в форме -*sər, -sər*, например: тюркск. *atsyz* „безмянный, без имени“, *atasyz* „без отца“, *ensiz*

„узкий“ (ср. „ширина“), чув. *anzər* „узкий“, чув. *kañzər* „затруднительный“ (тюркск. > венг. *kényszer* „невольный, принужденный“) и т. д. Чувашская форма, как более древняя, дает нам право предположить тождество тюркск. -*syz* и монг. -*sar*. В древнем монгольском имелись, например, такие формы, как монг. *ölsümüser* „до умерший с голоду“ (< *ölsü*-in „голод“), *kejisümüser* „не развешенный (= увнесенный) ветром“ (< *kejisü*- „унести прочь, развеять“), *uđanzar* „неожиданный“ (< *uđa*- „уметь, понимать“), *sanzar* „нечаянный, нечаянный“ (< *sana*- „думать“) и т. д. Из всех образований подобного рода в калмыцком языке сохранились лишь слова *uđanzar* и *sanzar*, но их негативное значение утратило свою ясность, а потому они оказались усиленными отрицанием *uđe* „не, без, без-...“ Как мною было уже изложено в моей статье „Die Verneinung in den altaischen Sprachen“, здесь перед нами древнее слово *sar, с которым мы встречаемся, например, в гольдском языке в форме *sarsar* „туда-сюда, в различных направлениях“ и в монгольском языке в глаголе *sarni*- „рассеяться, распасться“. Значение его отвечает немецкому „los“, „ab“, „weg“. Таким же образом как некогда *sar, часто фонетически сливается с предшествующим ему словом монгольское слово *ügei* „не, нет, без“, в особенности часто это происходит в халхасском, бурятском и калмыцком языках, например: калм. *düge*, халх. *düg“ä* „беззвучный“ < *dagı ügei*, халх. *gaig“ä* < *gai ügei* „без риска, безопасный“, халх. *argug“ä* „невозможный, безвыходный“ < *arga ügei*, калм. *kişugē* „несчастный“ < *kişig ügei*, *irdugē* „не имеет обаяния, прихотлив“ < *iredeg ügei* и т. д.

§ 126. Кор. *the* „место, положение“ в роли окончания

В монгольском языке с помощью окончания -*te, -ta* образуются наречия от имен числительных, например: *nigente* „во-первых“, *oįarta* „во-вторых“, *gurbanta* „в-третьих“, *dörbente* „в-четвертых, на четвертом месте“ и т. д., так же, как и *oįanta* „часто“ (< *oįan* „много“), *čügente*, калм. *tsöntö* „редко“ (< *čügen* „немногие“), халх. *дөрүнт“е* „как часто?, сколько раз?, в который раз?“ и т. д. В основе этих образований лежит, вероятно, энклитически употребленное существительное **te(ta)* „место“. В якутском языке мы имеем те же самые сложносоставные образования: *birä* „раз, однажды, во-первых“, *ikitä* „дважды, во-вторых“, *üstä* „в-третьих“ и т. д. В маньч. и гольд. также замечены примеры того же характера: маньч. *enpe* „однажды, во-первых“, гольд. *omde* (Грубе, стр. 20) и т. п. В этом -*te* таится, по моему мнению, этимологическое соответствие корейскому слову *the* „место“, например: *čip-the* „дом-место“, *kal-the-ida* „я должен идти“, собственно, „идти-место-есть“ (см. подробнее SKE, стр. 281).

Затем мы находим то же -*ta* в монгольских отглагольных именах на -*nta* и -*lta*, т. е. древнее существительное оказалось энклитически присоединенным к отглагольным именам на -*n* и на -*l* (ср.

выше § 58 и § 69). Значение этих образований на -пта указывает как раз на то, что они включают в себя и дополнительный смысл локальности, например: монг. *golumpta* „место огня, очаг“ (> казах. *qolamta*), ср. тунг. *gulu-wup* „костер“, *guluča-* „греться у костра“. Монгольскому имени на -пта соответствует в тюркском отглагольное имя на -nty > -ntu, тур. -nty, -ndu, которое одновременно соотносится и с монг. именем на -mži, гольд. -mži (< -m-di) (§ 14).

§ 127. Тунг. -ki в окончании исходного падежа -duki, duk.

Если сравнить в монгольском языке древнее окончание дательного падежа -а с окончанием исходного падежа -аа, а в тюркском — окончание местного падежа -да с окончанием исходного падежа -дан, которые явно связаны между собой, то появляется основание предположить этимологическую связь между тунгусским окончанием местного падежа -du и окончанием исходного падежа -duk, то есть предположить, что к дательному-местному падежу на -du присоединился некий элемент *ki ~ *ke. Значение этого элемента не легко поддается определению. В тюркском -dan существует древний -da-jan (см. § 10), а в монгольском -аа произошло присоединение к -а- элемента -аа. В корейском языке *čibe* обозначает „в доме“, но *čibe-sje* (сев.-кор. *čibese*, южно-кор. *čibese*) „из дома“; -sje я понимаю как стяженное *isje* (*isje*) „бывший“, которое часто встречается еще кое-где в корейском языке в качестве эссивной частицы (см. Ког. Gr., стр. 42). Его появление после местного падежа как показателя исходного падежа семасиологически легко объяснимо. Кореец, вместо того чтобы сказать: „он привозит дрова из леса“, говорит: „в лесу бывший, он привозит дрова“; вместо „я иду от Пака (дома Пака)“, по-корейски говорят: *Pakkese onda* „у Пака бывший, иду я“. Исходя из этого корейского -sje < isje, легко объяснить тунгусское -ki, которое в этой своей древнейшей форме встречается еще в солонском языке как аналогичное с корейским сочетание некоего выражения, передающего понятие „быть, находиться“, с придающим ему оттенок локальности элементом -du. В негид. имеется -xi и -xoi (-dukki, -duxxi и -dukkoj, -duxxoj < -k + возвратный суффикс -wi или *kei), в других диалектах -k (-du-k), реже -ki (-du-ki-). Некое слово *ki или, быть может, *ke, *kei, имеющее значение „быть“, встречается в корейском языке, где такие слова, как *kē* (< *kei*-), обозначающие нечто вроде „пребывание, бытие“, *kēsi-* (< *kei-isi-*) „чтобы быть“, *kēsip-* „быть (в страдательном значении)“, являются общеизвестными и общеупотребительными.

Этот же самый -k (< *ki) встречается также в позиции после падежного суффикса -lā (~ -lē): *ūilē* „вверху“, *ūilēk* „сверху“, тунгБ. *uwilō*, *uwilōk* (тунг. Casus delativus).

Элемент -k в окончании -kla, присоединенный к именной основе и осложненный суффиксом -lā или -lī, обозначает „как раз там“ или „туда, где...“, а в окончании -kli — „туда“ или „там повсюду,

где...“. Эти падежные формы, т. е. „направительно-местный падеж“ (Causus directivus-locativus) на -kla и „направительно-пролативный“ (directivus-prolativus) на -kli, Богораз (Мат. лам., стр. 6, подстрочное примечание 2) не считает особыми падежными образованиями, однако его толкование характера этого элемента -k, как обозначающего „как раз там, где ...“ совершенно свободно, без всякой натяжки согласуется с моим истолкованием $k < *ki < *ke$: „пребывание, нахождение себя“: тунг. *žulā* „у дома, домой“, *žuklā* „как раз туда, где стоит дом“, тунгБ. *pižanin aminni sutunōklōn suručoŋ* „(он) пошел как раз в том же направлении, куда ушел его отец“; лам. *tūr-ma-kli* „прямо вдоль земли“ (тунг. „суша, земля“, *turma* „земной“, *turma-k „земное место“). Возможно также, что и тунг. частица -ke имеет то же самое происхождение, например: *si-ke* „ты там!“, *pižan dukuča-ke bireŋ* „он вероятно написал“ и т. д. К этой попытке объяснения, сводящегося, таким образом, к тому, что тунг. -duki составляется из имеющего локативный смысл -du + некое слово, обозначающее „быть“ или „бывший“, удачной параллелью является бурятский оборот речи на -haŋ (< монг. *agsan* „бывший“). Говорят же на ихиритском или добайкальском говоре бурятского языка, например, *ende* „здесь“, *endehaŋ* „отсюда“, *gertehaŋ* „из дома“ и т. д.*

§ 128. Тунг. -dā, -dē „сторона“, „côté“, -gi-da (то же), гольд. -žea

В тунгусском языке широко употребительны такие слова, как *bargi-dādu* „напротив“, *čagi-dādu* „на той стороне“, *ewgidēdu* „по эту сторону“, *žulergidēdu* „с передней стороны“, *lulergidēdu* „с внешней стороны“, *ugidēdu* „вверху“, тунгБ. *žulegdō* „восток“ „с внешней стороны“, *ugidēdu* „вверху“, тунгБ. *žulegdō* „восток“ (*žulegi dē*), *ejigdō* „юг“ (< *eje-gi dē*) и т. п. Здесь некому имени *dā или *dē предпослапо адъективное образование на -gi (= -gu), *bar-gi*, *ča-gi*, *ew-gi*, *žule-gi* и т. д. и таким путем создано окончание -gida, -gide или -rgida, -rgide. В гольдском языке, где исходный падеж образуется в настоящее время с помощью суффикса -d'cađ'i (-žaiži), в элементе -d'ea- мы имеем приведенное выше имя *da* в инструментальном падеже (окончание -di ~ -d'i см. выше, § 14), причем *da-d'i* ассимилировалось и дало -d'ad'i (> *žeaži*).

* Следует заметить, что в SKE, стр. 109, см. от *kjet*, Рамстедт дает иное объяснение этому тунгусскому элементу -k-, толкуя его как $-k < *ki < *kit$ и связывая его с корейским существительным *kjet* „сторона и пр.“ Представляется невозможным примирить и согласовать это объяснение с приведенным выше истолкованием. — Прим. П. Аалто.